

Джанет Маклеод
Любовь с ароматом чая

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2012

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

Маклеод Д.

Любовь с ароматом чая / Д. Маклеод — Книжный Клуб
«Клуб Семейного Досуга», 2012

Индия, начало XX века... После смерти отца Кларисса и ее сестра Олив остаются без средств к существованию и вынуждены уехать в Англию, к дальним родственникам. Чужбина встречает их неласково... К тому же Кларисса влюблена и отчаянно скучает по Уэсли Робсону. Она еще не знает, что судьба подарит им вскоре новую встречу...

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

© Маклеод Д., 2012
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2012

Содержание

Джанет Маклеод	5
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	23
Глава четвертая	30
Глава пятая	40
Глава шестая	49
Глава седьмая	55
Глава восьмая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Джанет Маклеод Любовь с ароматом чая

© Janet MacLeod Trotter, 2007, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2014

* * *

Дяде Дональду и светлой памяти дяди Дункана, жизнь которых начиналась в Индии, – им, добрым, веселым, щедрым и человечным, с их неукротимым оптимизмом, чувством справедливости и верой в род человеческий я посвящаю эту книгу с любовью и восхищением

Глава первая

Ассам, Индия, 1904 год

– Пошел вон! – взревел Джон Белхэйвен из своего кабинета. – И унеси эту вонючую жратву!

– Но, сагиб¹, вам нужно поесть...

Раздался звон разбившейся о дверной косяк фарфоровой посуды.

– Отравить меня хочешь, да?! – пьяно заорал Джон. – Пошел вон, а то застрелю! Черт побери, я не шучу!

Кларисса и Олив тревожно переглянулись в соседней комнате. Сквозь тонкие перегородки их одноэтажного дома хорошо было слышно каждое слово. Олив с округлившимися от страха глазами выронила смывоч, услышав, как отец опять принялся бить тарелки. Сидевшая у камина Кларри вскочила со стула.

– Не волнуйся, я его успокою.

Она натянуто улыбнулась испуганной младшей сестре и бросилась к двери, едва не столкнувшись с Камалем, кхансамой-бенгальцем², поспешно ретирующимся из кабинета ее отца. На заросшем бородой лице застыло изумленное выражение. Вслед ему несся поток грубой брани.

– Сагиб не совсем в порядке. Разъярен как тигр, – сказал Камаль, быстро закрывая дверь.

Кларри дотронулась до руки старика. Камаль стал кхансамой ее отца еще во время его службы в армии, задолго до ее рождения. Бушующий за дверью пьяница – лишь бледная тень того энергичного и добросердечного человека, которого бенгалец знал в прошлом.

– Он, должно быть, раздобыл в деревне спиртное, – прошептала Кларри. – А говорил, что отправляется на рыбалку.

Камаль с сожалением покачал головой.

– Я прошу прощения, мисс Кларрисса.

– В этом нет вашей вины, – проговорила она поспешно.

Они с встревоженным видом прислушивались к ругани Джона, швыряющегося подвернувшимися под руку предметами.

– Не нужно его винить, – сказал Камаль. – Все дело в лихорадке. Каждый раз во время приступа ваш отец напивается, чтобы притупить боль. Через несколько дней он будет в полном порядке.

Кларри была тронута преданностью слуги, однако они оба знали, что не только обострение болезни терзает Джона. Его пристрастие к алкоголю росло с того самого дня, когда во время ужасного землетрясения погибла его беременная третьим ребенком жена, раздавленная в кровати повалившимся деревом. В последнее время Джону не продавали спиртное в офицерском клубе в Шиллонге³, и в собрании чайных плантаторов в Тезпуре отношение к нему было настороженным в те нечестные дни, когда он с дочерьми выбирался в город, чтобы посмотреть конные бега или другие спортивные состязания. Не имея больше возможности заказывать партии виски в Калькутте, свое отчаяние Джон глушил либо дешевым пойлом, которое покупал в деревнях Кхаси⁴, либо опиумом.

¹ Сагиб – господин. Обращение к знатному лицу, принятое в Индии. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

² Кхансама – слуга-мужчина в Индии, исполняющий обязанности повара и старшего среди прислуги.

³ Шиллонг – город на северо-востоке Индии, во времена описываемых событий столица штата Ассам.

⁴ Кхаси – горный район в Индии и название населяющего его народа.

– Идите, приготовьте чаю, – распорядилась Кларри, – и побудьте с Олив, она не любит оставаться в одиночестве. А я займусь отцом.

Ободряюще улыбнувшись Камалю, она глубоко вздохнула и решительно постучала в дверь кабинета. В ответ отец закричал на смеси английского и бенгали. Не испугавшись, Кларри приоткрыла дверь.

– Папочка, – произнесла она ласково, как называла его в детстве. – Это я, Кларри. Я могу войти?

– Иди к черту! – рявкнул Джон.

Кларри открыла дверь шире и проскользнула внутрь.

– Я пришла пожелать тебе спокойной ночи, папочка, – продолжила она настойчиво. – И узнать, не выпьешь ли ты чаю перед сном?

В желтом свете масляной лампы Джон стоял, покачиваясь, посреди разбросанных вещей, словно человек, выживший после бури. Покрытые плесенью книги, сброшенные с полок, валялись по всей комнате вперемежку с пюре из бобов и риса и осколками белого и синего фарфора, который так любила их мать. Под ногами Джона, на деревянном полу валялась жареная рыба. В комнате пахло спиртным и потом, несмотря на то что было довольно прохладно.

Стараясь не выказывать изумления, Кларри прошла дальше по комнате, молча переступая через месиво на полу. Любые ее замечания на этот счет сейчас только еще больше разозлили бы ее отца. Уже к утру он будет раскаиваться. Джон наблюдал за ней с подозрительностью, но гнев его постепенно утихал.

– Давай ты сядешь у камина, папочка, – уговаривала его Кларри. – Я сейчас опять его разожгу. У тебя усталый вид. Ты поймал сегодня рыбу? Ама говорила, что ее сыновья вчера выудили в речке Ум-Ширпи большого карпа. Может, и тебе попробовать там завтра порыбачить? Я съезжу и посмотрю, хорошо?

– Нет! Не едь одна, – забормотал Джон невнятно. – Леопарды...

– Я всегда очень осторожна.

– И эти люди, – бросил он сердито.

– Какие люди? – Кларри увлекла отца к потертому креслу.

– Вербовщики... Они всюду вынюхивают. Чертовы Робсоны! – прорычал он.

– Ты говоришь об Уэсли Робсоне? – спросила Кларри, вздрогнув. – Из поместья Оксфорд?

– Ну да! – крикнул Джон, снова возбуждаясь. – Он хочет переманить к себе моих работников!

Неудивительно, что ее отец находился в таком состоянии. Хозяева крупных чайных хозяйств вроде Оксфорда не отличались разборчивостью, когда искали работников на свои обширные плантации. Кларри познакомилась с Уэсли Робсоном в прошлом году в Тезпуре во время игры в поло. Он был одним из дерзких молодых щеголей, самонадеянно полагающих, что, едва приехав из Англии, они знают об Индии больше, чем те, кто прожил тут всю свою жизнь. Отец Кларри сразу же его невзлюбил, ведь этот молодой человек был одним из Робсонов из Тайнсайда⁵. Это могущественное семейство начинало, как и Белхэйвены, фермерами-арендаторами, но быстро разбогатело на производстве паровых котлов и теперь вкладывало деньги в чайные плантации. Казалось, все, к чему прикасались Робсоны, становилось источником богатства. Робсоны и Белхэйвены рассорились много лет тому назад из-за какого-то сельскохозяйственного инвентаря.

– Ты встретил мистера Робсона? – обеспокоенно спросила Кларри.

– Он поставил палатку недалеко от Ум-Ширпи, – фыркнул Джон.

⁵ Тайнсайд – область на северо-востоке Англии.

– Может, он просто приехал порыбачить, – предположила она, стараясь успокоить отца. – Если бы он вербовал работников на чайные плантации, то раздавал бы в деревнях деньги и опиум, словно хозяин этих мест.

– Он решил меня обанкротить, – не сдавался Джон. – Старик Робсон вел себя точно так же – он вытеснил моего деда из бизнеса. Никогда ему этого не прощу. И теперь они здесь, в Индии... в моей Индии. Они приехали сюда, чтобы добраться до меня...

– Не огорчайся, – сказала Кларри, усаживая отца в кресло. – Никто не вытеснит нас с этого рынка. Цены на чай скоро опять вырастут.

Джон сидел сгорбившись и угрюмо наблюдал за тем, как его дочь потихоньку раздувает угли в очаге и подкладывает хворост. Когда огонь снова ярко разгорелся, комната наполнилась сладковатым запахом сандалового дерева. Кларри украдкой взглянула на отца. Он свесил голову на грудь и закрыл глаза. Кожа на его истощенном лице была покрыта морщинами, на голове почти не осталось волос. Несмотря на свою европейскую одежду, он больше походил на индийского йога, чем на превратившегося в чайного плантатора бывшего солдата.

Кларри опустила на корточки, подкладывая дрова в огонь. У нее в ушах прозвучал мягкий укор матери: «Не присаживайся на корточки, как простая деревенская девочка, сиди как леди, Кларисса!» Сейчас ей уже не всегда удавалось вызвать перед внутренним взором лицо матери, ее осторожную улыбку и внимательные карие глаза, темные волосы, стянутые в тугий узел на затылке. На столе у Джона стояла фотокарточка, на которой они все вместе пьют чай на веранде: маленькая Олив устроилась на коленях у отца, а непоседливая пятилетняя Кларисса, которой наскучило сидеть неподвижно перед фотокамерой, пытается вырваться из рук матери. Лицо матери изображено нечетко. Но она сохраняет спокойствие – стройная и красивая, с задумчивой полуулыбкой на губах.

Пожилая няня Ама говорила Клариссе, что с возрастом она становится все больше похожей на мать. У нее такая же смуглая кожа и большие карие глаза, как у Джейн Купер, в то время как у Олив рыжевато-русые волосы и светлая кожа Белхэйвенов. Сестры были совершенно не похожи друг на друга, только во внешности Клариссы проявилось индийское происхождение их матери-полукровки. И хотя девочки росли в Белгури затворницами, она все же знала, что в местном обществе выходцев из Британии их осуждали. Многие мужчины содержали любовниц-индианок, но ее отец нарушил рамки приличий, женившись на своей. Джейн Купер, дочь британского клерка и девушки-ассамки, работавшей на шелковой фабрике, была оставлена в католическом сиротском приюте, где ее выучили и затем направили в миссионерскую школу в Шиллонге.

Как будто этот поступок не был скандалом уже сам по себе, Джон пошел в нарушение приличий еще дальше, ожидая, что его дочери будут приняты в англо-индийском обществе, словно чистокровные английские барышни. И в довершение ко всему этот солдат-выскочка из какого-то медвежьего угла в Нортумберленде⁶ возомнил себя специалистом по выращиванию чая.

О да, Кларри слышала унижительные замечания в церкви и клубе, чувствовала неодобрение офицерских жен Шиллонга, умолкающих, едва она появлялась в какой-нибудь лавке на базаре. Олив ненавидела ходить по магазинам, но Кларри не позволяла этим ограниченным людям портить себе жизнь. У нее больше прав жить тут, чем у любого из них, и она страстно любила свой дом среди гор Ассама.

Однако тревоги отца были понятны Кларри. Ужасное землетрясение, случившееся семь лет назад, разворошило многие акры плантаций на склонах холмов, и им пришлось высаживать чайные кусты заново, что было очень дорого. Растения сейчас только начали достигать продуктивного возраста. К тому же спрос на выращиваемый ими чайный лист,

⁶ Нортумберленд – графство на северо-востоке Англии.

имеющий тонкий вкус, казалось, тает как утренний туман. Теперь ненасытный британский рынок требовал крепкого, насыщенного чая, выращенного в знойных и влажных долинах Верхнего Ассама. Жаль, что ей не к кому обратиться за советом, ведь ее отец, похоже, встал на путь саморазрушения.

Кларри бросила на него взгляд. Джон задремал. Она поднялась и принесла одеяло с походной кровати, стоящей в углу. Отец спал здесь последние семь лет, не решаясь войти в спальню, где погибла его любимая Джейн. Кларри укутала его одеялом. Он пошевелился, приоткрыл глаза, задержал на ней взгляд.

– Джейн? – произнес он заплетающимся языком. – Где ты была, дорогая?

У Кларри перехватило дыхание. Он часто принимал ее за жену, когда был пьян, но каждый раз ее это потрясало до глубины души.

– Спи, – сказала она тихо.

– А девочки, – нахмурился Джон, – они уже в постели? Я должен пожелать им спокойной ночи.

Он попытался подняться, но Кларри мягко толкнула его назад.

– Они в порядке, – проворковала она, – уже спят. Не нужно их будить.

Тело Джона обмякло под одеялом.

– Ну хорошо, – вздохнул он.

Кларри наклонилась и поцеловала его в лоб. Ее глаза щипало от слез. Несмотря на то что ей было всего восемнадцать лет, на ее плечи уже лег груз ответственности. Сколько еще они смогут продержаться? В упадок пришли не только посадки чайных растений, дом тоже требовал ремонта, а учительница музыки Олив недавно повысила плату за свои услуги. Кларри постаралась отогнать панический страх. Она поговорит с отцом, когда он протрезвеет. Рано или поздно ему придется взяться за решение назревших проблем.

Вернувшись в гостиную, Кларри увидела Олив – та сидела сторбившись и обхватив колени руками. Младшая сестра раскачивалась взад-вперед. Камаль стоял возле резного стола у окна.

– Отец спит, – сказала им Кларри.

Олив перестала раскачиваться. Камаль одобрительно кивнул и налил Кларри чашку чая из серебряного чайника. Девушка прошла по комнате и села рядом с сестрой. Она дотронулась до волос Олив и убрала их с лица. Девочка вздрогнула и отстранилась. Ее нервы были натянуты как струны. Кларри услышала ее свистящее дыхание, свидетельствующее о приближающемся приступе астмы.

– Все в порядке, – сказала Кларри. – Ты можешь продолжать играть, если хочешь.

– Нет, я не могу, – задыхаясь, ответила Олив. – Я слишком расстроена. Почему он так кричит? И бьет тарелки. Он всегда бьет тарелки.

– Он не нарочно.

– Почему ты его не останавливаешь? Почему ты не заставишь его бросить пить?

Кларри взглядом призвала на помощь Камалю, ставившего чашку чая рядом с ней на маленький мозаичный столик.

– Я все уберу, мисс Олив. Утром все будет в порядке.

– Никогда уже не будет все в порядке! Я хочу, чтобы мама была с нами! – закричала Олив.

Ее тираду прервал приступ кашля, странного удушающего кашля, который донимал ее в холодное время года. Олив как будто пыталась вытолкнуть изнутри дурной воздух. Кларри обняла сестру, массируя ей спину.

– Где твоё лекарство? В спальне? Я сейчас принесу. Камаль вскипятит воды. Правда, Камаль?

Они бросились выполнять все необходимое. Наконец Олив утихла и ее кашель прекратился.

Камаль заварил свежего чаю с согревающими пряностями: корицей, кардамоном, гвоздикой и имбирем. Кларри глубоко вдыхала в себя аромат, прихлебывая золотистый напиток, и ее нервы с каждым глотком успокаивались. С удовлетворением она отметила, что на лицо Олив возвращается румянец.

– Где Ама? – спросила Кларри, вспомнив, что не видела ее с полудня, потому что была занята на плантациях, руководя прополкой.

Камаль с осуждающим видом покачал головой.

– Сбежала в деревню. Делает, что ей заблагорассудится.

– Один из ее сыновей болен, – произнесла Олив.

– Почему она ничего мне об этом не сказала? – удивилась Кларри. – Надеюсь, с ним не случилось ничего серьезного.

– Конечно, ничего серьезного, – ответил Камаль. – Как всегда, больной зуб или расстройство желудка. Но Ама суетится возле него, как квочка.

И он громко закудахтал.

Кларри прыснула, Олив улыбнулась.

– Не насмехайся над Амой, – сказала Кларри. – Она и о тебе беспокоится так же, и обо всех нас.

Камаль широко улыбнулся и пожал плечами, показывая, что поведение Амы находится за пределами его понимания.

Вскоре после этого они разошлись спать. Забравшись в холодную влажную постель, Олив прижалась к Кларри. В такие ночи, когда их отец напивался, тринадцатилетняя девочка всегда просилась в кровать к сестре. Не то чтобы она боялась, что отец ворвется к ним в спальню, но любой ночной звук – уханье совы, крик шакала или визг обезьян – заставлял ее дрожать от необъяснимого страха.

Кларри еще долго лежала без сна после того, как шумное дыхание Олив сменилось мерным посапыванием. Наконец она тоже уснула, но спала беспокойно и проснулась еще до рассвета.

Не было никакого смысла лежать и перебирать в уме свалившиеся на них несчастья. Кларри решила отправиться на утреннюю конную прогулку. Тихо выбравшись из постели, она быстро оделась и вышла из дому, направляясь к конюшне, где ее, негромко заржав, поприветствовал белый пони Принц.

Настроение Кларри сразу же улучшилось, как только она прижалась лицом к его шее и вдохнула его теплый запах. Они купили Принца в предгорьях Гималаев, у торговцев в Бутане. После смерти жены Джону стало невыносимо в Белгури, и он с дочерьми путешествовал в течение нескольких месяцев. Олив несли в корзине, подвешенной между шестами, ее обеспокоенное лицо выглядывало из-под огромной соломенной шляпы. Кларри сразу же влюбилась в крепкого сообразительного пони, и отец одобрил ее выбор.

– Бутанский пони, великолепная порода. Конечно, мы купим его тебе.

С тех пор Кларри почти каждый день выезжала на Принце. Ее появление в поместье и на окрестных лесных тропинках стало привычным. Охотники и жители деревень громко приветствовали ее, и она часто останавливалась, чтобы поговорить с ними о погоде, получить предупреждение о звериных тропах или обменяться предсказаниями о сезоне дождей.

Тихо разговаривая с пони, Кларри оседлала его и вывела на свежий предрассветный воздух. Они двинулись по извилистой дорожке, ведущей от дома через заросший сад. Миновали заросли бетеля, бамбука, ротанга и жимолости, Кларри села в седло, набросила толстое, грубой пряжи одеяло на плечи и поехала по тропинке.

В утреннем полумраке ей были видны остроконечные ряды чайных кустов на крутом склоне. Призрачные столбы дыма поднимались от первых утренних огней в очагах деревень, скрытых в джунглях внизу. Девушку окружали густо поросшие лесом, конической формы холмы, темной массой выделявшиеся на фоне светлеющего горизонта. Она ехала дальше, через сосновый и дубовый лес, где ночные звуки уже уступали место крикам просыпающихся птиц.

Кларри скакала почти час, пока не добралась до вершины своего излюбленного холма, показавшегося между деревьями как раз в ту минуту, когда занялся рассвет. Вокруг нее лежали разбросанные камни древнего храма, давно оплетенные лианами. Неподалеку, под куполом тамариндового дерева, виднелась хижина отшельника, сооруженная из пальмовых листьев и мха. Вершина холма заросла жасмином и мимозой, а еще здесь был сад розовых кустов, которые выращивал этот праведник. Родник кристально чистой воды, бурля, вырывался из скалы неподалеку и, наполнив маленькое озерцо, вновь скрывался в земле. Это место зачаровывало цветами с острым ароматом и захватывающими дух видами, простирающимися на много миль. Над лачугой свами⁷ не поднимался дым, из чего Кларри сделала вывод, что отшельник отправился странствовать.

Она спешила и повела Принца к озерцу, чтобы напоить.

Сидя на поваленной колонне, покрытой резными изображениями тигров, Кларри созерцала набирающий силу рассвет. Далеко на востоке из тьмы выступали высокие темно-зеленые холмы Верхнего Ассама. Скрытая клубами тумана, сквозь плодородную долину катила свои воды могучая Брахмапутра. А за ней, если смотреть на север, Кларри могла различить пики Гималаев, выхваченные утренним светом из темноты. Иззубренные и словно нематериальные, они пронзали туман, вознося в небо окрашенные разгорающимся рассветом огненно-малиновые заснеженные склоны.

Кларри, закутавшись в одеяло, сидела не шевелясь, словно замороженная. Принц щипал траву рядом с ней, а разливающийся по округе утренний свет золотил отдаленные горы, словно шатры храма. Вздохнув, девушка наконец поднялась на ноги. Здесь ее сумбурные мысли всегда обретали покой. Она оставила сверток с чаем и сахаром у входа в хижину свами и села в седло. Негромкий шум заставил ее обернуться. У озерца склонилась, чтобы напиться, изящная лань. Кларри замерла в восторге оттого, что животное так близко подошло к ним, не проявляя никакого страха.

Через мгновение из-за растущих невдалеке деревьев раздался оглушительный выстрел. Голова лани резко поднялась, как будто ее дернули за уздечку. Второй выстрел раздался так близко, что Принц в испуге взвился на дыбы. Кларри отчаянно натянула вожжи, чтобы успокоить пони. Третий выстрел ударил точно в цель, и ноги лани сложились как подкошенные.

Охваченная ужасом от дикости происшедшего, Кларри выпустила вожжи. Принц закружился, как безумный, оскальзываясь на мокрых листьях. В следующую секунду девушка вылетела из седла и упала на влажную землю, стукнувшись головой о камень. Перед глазами поплыли красные круги. Она услышала чьи-то крики и топот подбегающих к ней людей.

– Ты с ума сошел! – прогремел чей-то низкий голос.

– Да это всего лишь туземец, – возразил ему другой. – Я сделал предупреждающий выстрел.

– Боже мой, это женщина!

Кларри хотелось послушать дальше, но голоса стали удаляться. О ком они говорят? Но, прежде чем она пришла к какому-либо заключению, сознание покинуло ее.

⁷ Свами – в индуизме почетный титул лиц, посвятивших себя Богу.

Глава вторая

Очнувшись, Кларри обнаружила, что лежит под полотняным навесом. Мужчина с густыми рыжими усами сидел на скамеечке, пристально глядя на нее.

– Она приходит в себя! – крикнул он, приподнимаясь.

Второй мужчина растоптал сигарету и, подойдя ближе, встал, возвышаясь над ней. Его темно-каштановые волосы были коротко острижены, выступающий подбородок гладко выбрит. Мужчина внимательно осмотрел ее пронизательным взглядом своих зеленых глаз. Кларри знала, что уже знакома с этим привлекательным мужчиной, но не могла вспомнить, кто он. И что она здесь делает.

– Мисс Белхэйвен? – спросил он, вопросительно приподняв густые брови. – Мы рады видеть, что вы открыли глаза.

– Покорнейше прошу прощения, – выпалил второй. – Я ни в коем случае не должен был стрелять в эту лань так близко от вас. Я никогда бы этого не сделал, если бы знал, что вы... ну, то есть... что в этом одеяле прятались вы и на вас брюки, как на мужчине... Я подумал... Видите ли, я преследовал этого зверя двадцать минут и не хотел упускать случай.

Лань! Кларри внезапно вспомнила ужасающее зрелище: застреленную у нее на глазах лань и панику Принца, испугавшегося свистящих пуль. Она попыталась сесть, но от этого ее голову пронзила резкая боль.

– Принц... где он? – выдохнула она.

– Полагаю, вы имеете в виду не одного из нас, своих спасителей? – спросил язвительно тот, что повыше.

– Спасителей? – Кларри бросила на него испепеляющий взгляд. – Вы чуть не убили меня и моего пони. И эта несчастная лань...

Она опустила на спину и коснулась головы. Кто-то наложил на нее повязку. Кларри поморщилась от боли.

– Где Принц, мой пони?

– С ним все в порядке, – сказал мужчина с усами военного. – Слуги кормят его. Должен сказать, это отличный пони, мисс Белхэйвен. Но, полагаю, вам не следует ездить без сопровождения в такое время. Удивлен, что ваш отец вам это позволяет. Эти дикие холмы полны опасностей.

Кларри метнула в него пронзительный взгляд.

– Единственную опасность я вижу лишь в бездумно палящих охотниках.

Мужчина смутился и отошел назад.

– Слушай, Робсон, я вижу, у нее такой же воинственный дух, как и у ее отца.

Его спутник захохотал густым басом.

– Я тебя предупреждал, – сказал он, не сводя глаз с Кларри. – Пылкая гордость Белхэйвенов известна всем.

В это мгновение Кларри узнала этот низкий голос с едва уловимым северным акцентом, как у ее отца.

– Уэсли Робсон! – воскликнула она. – Теперь я вспомнила.

– Польщен, – проворчал он, – что среди всех молодых людей, добивающихся вашего внимания, вы запомнили именно меня.

– Не обольщайтесь, – сказала Кларри возмущенно. – Я запомнила вас только потому, что отец советовал мне держаться подальше от опасного Робсона и указал на вас.

Но, к ее негодованию, в ответ он только хохотнул.

– Вы всегда следуете советам вашего отца?

– Разумеется, – ответила Кларри, краснея.

– И он советует своей привлекательной дочери совершать прогулки в столь раннее время без сопровождения, в часе пути от дома?

Рассерженная его назидательным тоном, Кларри с усилием поднялась.

– Моему отцу известно, что я хорошая наездница. И я знаю эти холмы лучше, чем вы и ваш товарищ когда-либо будете их знать, хотя вы и считаете эти места своими.

В голове девушки тяжело стучало, когда она поднималась на ноги.

– Пожалуйста, приведите ко мне Принца.

Но, к стыду Кларри, ее ноги подкосились, и Уэсли быстро ее подхватил.

– Держитесь, – сказал он, прижимая ее к себе.

От него пахло дымом и чем-то еще более земным. Кларри была так близко к нему, что смогла рассмотреть короткий шрам, рассекающий левую бровь и усиливающий язвительность его взгляда, и тонкие морщинки на смуглой коже вокруг глаз, появившиеся из-за того, что ему приходилось щуриться от тропического солнца. Его ярко-зеленые глаза оказывали на нее гипнотическое воздействие.

– Вы сейчас не в том состоянии, чтобы ехать, мисс Белхэйвен, – твердо заявил его товарищ.

– Боюсь, вам придется позволить нам позаботиться о вас, – сказал Уэсли.

Кларри уловила в его словах насмешку. Она ощущала его сильные руки, поддерживающие ее, и его дыхание на своих волосах. Чувствуя слабость, она снова села.

Уэсли распорядился, чтобы один из слуг принес ей горячего чаю и яичницу из двух яиц, не обращая внимания на ее протесты и заявления, что она не голодна. Но, к своему собственному удивлению, Кларри съела яичницу с аппетитом и не отказалась от добавки, пока мужчины курили и наблюдали за ней, словно она была каким-то невиданным доселе существом, найденным ими в лесу.

– Вот и прекрасно, ешьте еще! – подбодрил ее молодой офицер, назвавшийся Харри Уилсоном.

Харри заверил ее, что всегда к ее услугам, пока его часть расквартирована в казармах Шиллонга.

– Уэсли мой друг. Мы познакомились на пароходе по пути сюда и прекрасно поладили. Мы оба любим рыбалку и охоту. Здесь замечательные места для охоты на дичь. Я слышал, что тут есть также дикие кабаны и медведи, но пока мне не посчастливилось их выследить. Может, ваш отец мне что-нибудь посоветует?

– Мой отец – заядлый рыболов, – ответила Кларри. – Он не любит охотиться на крупного зверя.

– А вы слышали, что прямо в центре города на прошлой неделе видели леопарда? – продолжал Харри, как будто и не слышал ее ответа. – Он прямо среди бела дня бродил среди местных жителей на базаре и на гарнизонном кладбище. Леопард грелся на могильной плите, когда его выследили. Прекрасное животное. Теперь у жены полковника леопардовая шкура вместо коврика.

Интересно, подумала Кларри, этот словоохотливый солдат не сводит с ума своих товарищей бесконечной болтовней? Наверное, его смущает тишина, или, может, он скучает по дому. Ей не следует судить его строго, она ведь тоже, тоскуя по умершей матери, заполняла долгие часы пением песен, которые только могла припомнить. Ее тяготила тишина в доме. Когда была жива их мать, в доме постоянно слышалось ее пение. Кларри закрыла глаза от нахлынувших воспоминаний.

– Полагаю, мисс Белхэйвен утомлена, Харри, – вмешался Уэсли. – Давай дадим ей возможность отдохнуть. Кто-то из нас может съездить к ее отцу и сообщить ему, что она в безопасности.

– Да, конечно, – отозвался Харри с готовностью. – Я поеду. По крайней мере, сделаю хоть это.

– В этом нет необходимости, – нерешительно запротестовала Кларри.

– Вы ложитесь, – распорядился Уэсли, уводя ее в палатку. – Когда восстановите силы, мы отвезем вас домой.

Сдаваясь, Кларри опустила на походную кровать. Уэсли укрыл девушку ее собственным одеялом.

– Здесь все на скорую руку, – сказал он, извиняясь, – но вполне удобно.

Ей вдруг стало ясно, что это его палатка и его кровать. Она хранила мужской дымный запах и аромат камфары. Кларри не покорила бы, если бы у нее не так сильно болела голова. Девушке хотелось закрыть глаза и ждать, когда боль отступит.

Кларри сразу же уснула. Первое, что она увидела, проснувшись, был Уэсли, сидящий на раскладном стуле у входа в палатку. Вытянув длинные ноги, он читал. Это удивило Кларри. Он производил впечатление одного из тех деятельных людей, которым чтение представляется бесплодной тратой времени, тем не менее выражение его широколобого лица с четко очерченными чертами свидетельствовало о том, что он полностью захвачен книгой. Уэсли почувствовал на себе ее взгляд и повернулся, и они стали молча глядеть друг на друга. Кларри покраснела оттого, что этот чужой ей мужчина наблюдал за ней, лежащей в его постели, в такой интимной близости.

– Что вы читаете? – спросила она, чтобы скрыть смущение.

Уэсли захлопнул книгу.

– «Рыбная ловля в Британской Бирме», – прочел он название, – автор – капитан Поллок. Я вытащил эту книгу из кучи у Харри. Очень «полезный» справочник с точки зрения поиска рыбных мест в Ассаме, скажу я вам. И устарел уже лет на тридцать. Пожалуй, я мог бы написать лучше.

Он швырнул книжку на пол, поднялся на ноги и пересек палатку, чтобы взглянуть на девушку.

– Вы чувствуете себя лучше, Кларриса?

– Да, спасибо, – ответила она, опуская взгляд.

Ее раздражала его близость и то, что он обращается к ней по имени, как будто они близкие друзья.

– Я хотела бы сейчас же отправиться домой.

– Вы пока не в состоянии ехать верхом. Позвольте осмотреть вас.

Потянувшись, Уэсли взял ее за руку. Кларри вскочила от его прикосновения, тревожно расширив глаза. Он поспешно ее отпустил.

– Почему я вызываю у вас такую неприязнь? – спросил Уэсли, хмурясь.

– Я недостаточно хорошо вас знаю, чтобы составить о вас какое-то мнение, – возразила она.

Он сверкнул улыбкой.

– Конечно же, я тоже хотел бы узнать вас получше.

– Я не то имела в виду, – раздраженно сказала Кларри.

– Тогда расскажите мне, – потребовал Уэсли, – что вы обо мне думаете? Или же вы позволите мелочным предрассудкам вашего отца помешать нам стать друзьями?

Кларри разозлили его насмешки над ее отцом. Этот человек не имеет ни малейшего представления о том, сколько Джон Белхэйвен перенес, и не имеет права называть его мелочным. Ее первое впечатление об Уэсли Робсоне как о несносном, высокомерном человеке подтверждалось. Она уже достаточно времени провела узницей в его спартанской палатке.

– Я думаю, что вы самодовольный эгоцентрик, – мстительно заявила Кларри.

Уэсли изумленно вытаращил на нее глаза. Он отступил назад и засунул руки в карманы.

– Вообще-то немного благодарности было бы более уместно.

– Благодарности?! – воскликнула Кларри. – Да вы наглец! Я, никого не трогая, наслаждалась рассветом в своем излюбленном месте и вдруг была оглушена, и ранена, и страшно напугана, и моя голова все еще болит, и вы сделали из меня посмешище в присутствии своего приятеля-военного, словно я дитя неразумное, и мой отец будет в ярости, когда все узнает. И, в конце концов, я хочу вернуться домой!

Они сердито уставились друг на друга. Уэсли сердито играл желваками. Очевидно, он не привык к упрекам, особенно исходящим от юной девицы. Ну и ладно, ей нет до него дела, даже если она его обидела. Он сам заварил эту кашу, и извиняться перед ней должен именно он.

Уэсли развернулся и твердым шагом вышел из палатки. Кларри услышала, как он отдает распоряжения слугам, и, когда тоже вышла, они уже соорудили импровизированные носилки из жердей и стволов бамбука.

– Слуги отнесут вас домой, – сказал Уэсли отрывисто.

– Лучше я поеду на Принце, – возразила Кларри.

Уэсли насмешливо посмотрел на нее.

– Я сам отведу вашего любимого пони. Я не хочу брать на себя вину за то, что вы потеряете сознание и свалитесь с него. Хватит вашему отцу и тех огорчений, которые он уже испытал.

Кларри пронзила его яростным взглядом, но взобралась на носилки, не произнеся более ни слова. Слуги побежали трусцой, и вскоре девушка уже сожалела о том, что согласилась, чтобы ее несли. Каждый толчок приносил мучение ее телу и отдавался болью в голове. Стиснув зубы, Кларри крепче вцепилась в носилки. Ей следовало настоять на том, чтобы поехать верхом, но ни Уэсли, ни Принца не было видно.

Чем ближе они подъезжали к Белгури, тем сильнее Кларри охватывало беспокойство. В каком состоянии Харри Уилсон застал ее отца? Возможно, Джон уже выгнал молодого офицера из своего поместья с проклятиями и угрозами застрелить его за то, что он подверг его дочь опасности. Или же отец до сих пор спит с похмелья...

Наконец носильщики добежали до крутого склона, с которого начиналось их поместье, и занесли Кларри внутрь огороженной территории. Камаль и Олив бросились им навстречу.

– Мисс Кларриса! Аллах милостив! – воскликнул Камаль, помогая ей слезть с носилок.

– Где ты была? – начала Олив с осуждением. – Мне было страшно одной. Ты сильно пострадала?

– Нет, ничего серьезного, – ответила Кларри, обнимая сестру. – Мне жаль, что я стала причиной такого переполоха.

– Сегодня утром мы долго не могли разбудить отца, – сказала Олив, понизив голос. – Мне пришлось занимать мистера Уилсона разговором, пока Камаль брил его. Сестра мистера Уилсона играет на альте, ты знала об этом?

– Нет, не знала. Но это замечательно, – натянуто улыбнулась Кларри.

Для бедного Уилсона было бы хорошо, если бы она вернулась из этой поездки до того, как проснулся ее отец.

Камаль отправил слуг в кухню подкрепиться и, волнуясь, повел сестер вверх по лестнице. Там, на заросшей лианами веранде, сидели отец и Харри, увлеченные беседой о рыбалке.

– А вот и она, – произнес Джон, – моя Кларри! Подойди ко мне, моя девочка, я взгляну на тебя.

Он встал, и Кларри поразила тому, каким болезненно-хилым он стал. Одежда висела на нем мешком, а протянутые к ней руки дрожали. Кожа походила на пожелтевший перга-

мент. Злоупотребление спиртным в конце концов оказало свое разрушительное действие. Сегодня ее отец выглядел плохо как никогда.

– Со мной все в порядке, отец, – сказала Кларри поспешно. – Всего лишь царапина на голове.

Он шатаясь приблизился к ней и обнял бы, если бы Олив по-прежнему не держалась за нее, вцепившись, как в свою собственность. Кларри сразу же ощутила запах спиртного в его дыхании. Взглянув на стол, она увидела, что они уже пили. Отец заметил ее взгляд и принялся ее отчитывать.

– Что это на тебя нашло? Отправляешься кататься верхом до восхода солнца! Ты должна была разбудить меня, и я поехал бы с тобой. В самом деле, Кларри, что этот молодой офицер может о нас подумать?

Кларри молча уставилась на него. Вряд ли к тому времени, когда она уезжала, ее отец проспался после вчерашнего.

– Я очень высокого мнения о вас, – быстро вставил Харри, вскочив, чтобы усадить Кларри. – Пожалуйста, мистер Белхэйвен, не судите строго свою дочь. Все произошло исключительно по моей вине.

Джон вздохнул, явно не имея желания продолжать этот спор.

– Ну хорошо. Главное, что моя девочка благополучно вернулась домой.

Кларри заметила блеснувшие в его глазах слезы и ободряюще улыбнулась.

Они снова сели, и Камаль принес ей чашку рододендрового настоя и ее любимых сладостей: медового печенья и кокосовых пирожных. Кларри поделила их с Олив, пока Харри оживленно говорил о рыбной ловле. Джон налил себе из бутылки спиртного напиток, приобретенный им в деревне. Кларри размышляла о том, когда приедет Уэсли. Странно, но о нем совсем не упоминали. Теперь, когда Кларри была в безопасности, у себя дома, она начала жалеть о своих необдуманных словах, сказанных ему. Она была не в себе. Уэсли не заслужил ее презрения.

Вдруг их прервал возглас привратника, извещающего о прибытии еще одного гостя.

– Это, видимо, ваш друг? – спросил Джон.

– Он привел Принца, – сказала Кларри, вставая и направляясь по ступенькам вниз.

– Да, он хороший человек, – произнес Харри, откашливаясь.

– Это ваш сослуживец, да?

– Не совсем...

Кларри задержалась и взглянула на Харри. По выражению его лица она поняла, что он еще не говорил отцу о том, кто его друг. Он не хотел огорчать Джона еще и этой новостью.

– Его друг – Уэсли Робсон, – сказала она отцу, нахмурившись.

Джон был потрясен.

– Робсон? – выпалил он. – Я не позволю ему сюда явиться...

– Наверное, нам лучше уйти. – Харри поднялся на ноги, краснея от смущения.

– Пожалуйста, останьтесь, – сказала ему Кларри.

Она принялась спрашивать отца:

– Я знаю, для тебя это нелегко, но мистер Робсон оказал любезность, позаботившись обо мне и доставив Принца. Он друг мистера Уилсона. Мы должны проявить вежливость.

И Кларри сбежала по ступенькам, прежде чем отец успел ее остановить.

Принц тихонько заржал, увидев ее. Кларри бросилась ему навстречу и обняла его за теплую шею. Позади, все еще сидя в седле, виднелся Уэсли.

– Спасибо вам, мистер Робсон, – сказала Кларри, глядя вверх. – Прошу, проходите и выпейте чего-нибудь.

Он настороженно взглянул в сторону дома.

– Мой отец тоже хочет вас поблагодарить, – добавила она.

Уэсли посмотрел на нее с сомнением, но все же кивнул и спешился. Камаль позвал конюха и велел ему отвести лошадей на конюшню, а Кларри тем временем увлекла за собой Уэсли, и они проследовали мимо латунных цветочных кадок к веранде.

Джон слегка поклонился и указал на свободный стул, но продолжал недружелюбно смотреть на Уэсли, пока тот усаживался. Кларри налила новому гостю выпить. Харри, чтобы избежать неловкого молчания, затараторил о рыбной ловле нахлыстом⁸ и начал пересказывать другу то, что узнал от Джона об использовании хины для выманивания рыбы к поверхности.

Кларри извинилась и встала из-за стола. Все, чего ей сейчас хотелось, – это погрузиться в горячую ванну и сменить грязную одежду. Олив последовала за ней в дом.

– Он симпатичный, правда? – спросила она застенчиво, теребя свой длинный рыжий локон.

Кларри взглянула на сестру в зеркало, снимая с головы повязку.

– Да, пожалуй, – сказала она, осторожно трогая шишку на виске. Ссадина была чистой. Тот, кто о ней позаботился, сделал все как следует – вероятно, это был кто-то из слуг.

– Ну а я считаю, что он очень симпатичный, – сказала Олив, заливаясь румянцем. – Это именно такой человек, за которого я хотела бы когда-нибудь в будущем выйти замуж.

Кларри оглянулась и удивленно захохотала.

– Правда?

– Да, правда. – Олив покраснела еще сильнее. – Только совершенно очевидно, что он увлечен тобой.

– Не говори глупостей! – воскликнула Кларри. – Я знаю, что в действительности это не так. Он из тех мужчин, которые думают только о себе.

– Ты к нему несправедлива, – насупилась Олив. – Ну а мне он нравится, что бы ты о нем ни говорила. И может быть, когда-нибудь, когда я вырасту, я тоже ему понравлюсь.

Кларри фыркнула.

– Только отцу этого не говори.

– А почему, собственно, нет? Папе он понравился. Ему доставила удовольствие беседа о рыбалке, он даже не стал отвлекаться на то, чтобы встретить тебя.

Поняв свою ошибку, Кларри почувствовала, как кровь приливает к ее щекам.

– Ах, ты говоришь о Харри Уилсоне!

– Естественно, – ответила Олив, пристально глядя на нее. – А ты думала, кого я имею в виду?

Кларри отвернулась и стала раздеваться.

– Глупости. Я рада, что он тебе понравился. Он очень дружелюбный.

Олив просияла.

– Может, предложим ему остаться поужинать?

Сердце Кларри екнуло.

– Если хочешь, – согласилась она.

К ее удивлению, гости охотно приняли приглашение на ужин, несмотря на то что сделала она его нерешительным тоном, а Джон при этом недовольно хмурился. Когда Харри и Уэсли ушли рыбачить к заводи ниже ближнего водопада, Кларри напомнила отцу:

– Ты всегда говорил нам, что нортумберлендцы не отпускают гостей, не накормив. К тому же вы с мистером Уилсоном прекрасно поладили.

– Против мистера Уилсона я ничего не имею, – проворчал Джон и с раздраженным видом удалился в свой кабинет.

Смирненно вздохнув, Кларри отправилась обсудить меню с Камалем.

⁸ Нахлыст – особый вид рыбной ловли, впервые появившийся в Англии.

– Ама вернулась? – спросила она.

Камаль покачал головой. Кларри внимательно посмотрела на него.

– Вы что-то от меня скрываете?

Глубоко вздохнув, кхансама раздул щеки, выпуская воздух из легких.

– Слуги сплетничают, – пожал он плечами.

– И?..

– Говорят, ее младший сын тяжело болен. Ама за ним ухаживает.

– Что с ним? – встревоженно спросила Кларри.

– Сначала малярия, а теперь еще и дизентерия, – ответил Камаль очень тихо.

– Малярия? – переспросила Кларри озадаченно. – Но здесь, в горах, нет малярии.

Выражение лица Камала пробудило в ней подозрения.

– Он что, работал в долине на наших конкурентов?

Камаль кивнул, боязливо озираясь.

– Мне не следовало говорить вам об этом, мисс Кларриса.

У Кларри учащенно забилось сердце.

– Сын Амы нарушил контракт, да? Он сбежал?

Камаль снова кивнул. Она схватила его за руку.

– Из какого поместья? Только не говорите мне, что он сбежал из Оксфорда.

– Да, – беззвучно, одними губами ответил Камаль.

– Господи, помилуй! – вздрогнула Кларри. – У нас в деревне – беглец с плантациях Робсонов, а их главный вербовщик будет у нас сегодня ужинать!

Камаль приложил палец к губам, давая ей знак замолчать. Кларри в отчаянии покачала головой.

– Я должна ехать к Аме. Посмотрю, смогу ли я ей чем-нибудь помочь.

Ее слова повергли Камала в ужас.

– Нет, мисс Кларриса, это только все ухудшит! Ваш отец начнет задавать вопросы. Он очень расстроится, если узнает, что сын Амы работает у больших чайных господ. Потом об этом узнает Робсон-сагиб, и тогда все покатится в преисподнюю.

Кларри начала колебаться.

– Меньше всего я хотела бы стать причиной неприятностей для Амы или увидеть, как Уэсли Робсон забирает у нее сына.

Камаль кивнул.

– Вам нужно отдохнуть. У вас все еще болит голова.

Она сдалась.

– Вы пошлете Аме лекарства?

Он согласился, и Кларри пошла в свою спальню, чтобы прилечь. На пороге появилась Олив, которая разыскивала ее.

– Хочешь, я тебе почитаю? – спросила она.

– Было бы хорошо, – улыбнулась ей Кларри.

Олив выбрала роман Томаса Харди в книжном шкафу, который сделал для них отец, и начала бегло и чисто читать. Кларри восхищало то, что ее сестра, которую обучали по большей части дома, достигла столь впечатляющих результатов в гуманитарных науках. К тому же Олив была талантливой художницей. Пока они были маленькими, их учила мать, но она погибла, когда Олив было всего семь лет. Кларри продолжала преподавать ей математику, и вместе с Амой они обучали ее шитью и моделированию одежды, а также стряпне. Но именно Джон привил ей любовь к чтению и стал развивать музыкальные и художественные способности. В молодости он сам играл на скрипке, и, когда Олив исполнилось десять, она уже играла на его старом инструменте не хуже него. В последние годы отец утратил

интерес к музыке, но Кларри твердо решила выкроить из доходов деньги на оплату услуг учительницы, раз в две недели приходившей из Шиллонга.

Кларри заснула под равномерно звучащий голос сестры и проснулась только тогда, когда солнце спряталось за холмом и джунгли ожили, наполнившись вечерним шумом. Чувствуя себя значительно лучше, девушка встала и быстро оделась в свое лучшее платье, которое перешло к ней по наследству от матери, – шелковое, персикового цвета, с кремовыми кружевами. Кларри тщательно расчесала волосы и уложила их свободными волнами, скрыв под ними расцарапанный висок. Пока Кларри приводила себя в порядок, ее снова стали одолевать мысли об Уэсли. Наверное, она поторопилась его осудить. Он в Индии совсем недавно и еще не освоился здесь.

Вдруг ей в голову пришла мысль о том, что Уэсли мог бы быть им полезен. Он уже начинает обретать вес в чайном бизнесе, и у него могущественные покровители. Почему бы не воспользоваться его присутствием здесь для собственной выгоды? Кларри поспешила на кухню, но Камаль выгнал ее оттуда.

– Идите к гостям, мисс Кларриса. Тут я обо всем позабочусь сам.

Судя по всему, гости уже были на веранде и упросили Олив сыграть для них. Задержавшись на секунду в тени, Кларри ощутила волнение, услышав музыку и увидев страстную сосредоточенность на лице Олив. По-настоящему счастлива она бывала только тогда, когда либо была погружена в музыку, либо стояла перед мольбертом. Кларри испытывала острую потребность заботиться об Олив. Она обязана сделать все, чтобы развивались таланты ее младшей сестры. Они должны наладить дела на своей чайной плантации, чтобы будущее Олив было обеспеченным. Им необходимы дополнительные денежные средства, чтобы продержаться до тех пор, пока молодые кусты начнут давать урожай. Им нужен финансовый покровитель. Кларри посмотрела на Уэсли, расслабленно сидящего на стуле и, судя по выражению лица, погруженного в размышления. Нужную им сумму могут предоставить такие люди, как Робсоны и им подобные. Убедить Уэсли, видимо, будет нелегко, и еще труднее будет уговорить отца сотрудничать с ним, но она обязана попытаться. А начнет она с того, что будет поласковой с Уэсли Робсоном.

Когда Олив закончила играть и мужчины ей заплодировали, Кларри, вдохнув поглубже, шагнула в свет лампы. Харри тут же вскочил.

– Мисс Белхэйвен, вы выглядите очаровательно! Надеюсь, вам уже лучше?

– Намного лучше, благодарю вас, – улыбнулась Кларри.

Уэсли удивленно уставился на нее, будто увидел в первый раз. Несколько запоздало он поднялся и отодвинул стул, стоявший рядом с ним.

– Пожалуйста, присаживайтесь.

Кларри кивнула, соглашаясь, и села на предложенный ей стул.

– Рыбалка была удачной? – спросила она.

Харри тут же пустился рассказывать о водопаде, о чистоте заводей на реке и о размерах пойманной рыбы. Все это время Кларри ощущала на себе пристальный взгляд Уэсли. Удивленно приподнятая бровь со шрамом ничего не говорила насчет того, о чем он думает в действительности. Уэсли, должно быть, относится к ней настороженно после их утренней стычки, во время которой она обвинила его в заносчивости, намекая на то, что он не может быть другом Белхэйвенам. Ей нужно расположить его к себе, если она хочет, чтобы ее план получить у него ссуду увенчался успехом.

Когда Харри наконец прервал свой монолог, чтобы отдышаться, Кларри с улыбкой повернулась к Уэсли.

– Мистер Робсон, я надеюсь, вы очарованы холмами Кхаси так же, как и ваш друг?

Уэсли настороженно посмотрел ей в глаза, словно подозревая ее в попытке его обмануть.

– Мне они очень понравились, – ответил он. – В них есть та дикая красота, которую я больше нигде не видел в Ассаме.

Кларри бросила на него острый взгляд, но он, похоже, говорил вполне серьезно.

– Возможно, вы захотите завтра осмотреть наше поместье? Наши плантации буйно зеленеют, мы производим изысканный чай высшего качества. Правда, отец?

Джон нахмурился.

– Ты же не хочешь, чтобы конкуренты узнали все наши секреты, а?

– Не конкуренты, – поспешно поправила его Кларри, – а коллеги-плантаторы.

Уэсли внимательно следил за ней, не в силах скрыть свое удивление тем, что она встала на его сторону.

– В конце концов, – продолжила Кларри, – мы заинтересованы в том, чтобы каждый из нас процветал. На рынке достаточно места для всех, не правда ли?

Уэсли улыбнулся.

– Вы совершенно правы, мисс Белхэйвен. Никто из нас не выживет поодиночке. И я был бы очень рад, если бы вы мне все здесь показали.

– Нет, – бросил Джон. – Я сам вам все покажу.

Повисла неловкая пауза. Решив сменить тему, Кларри стала расспрашивать Уэсли о жизни в долине. «Работай на совесть, отдыхай в полную силу» – казалось, таков был его жизненный принцип. Он не жалел времени, изучая профессию, и не упускал возможности развлечься на нечастых скачках в Тезпуре или во время охотничьих вылазок.

– Уэсли не из тех, кто коротает вечера за карточной игрой в клубе, – сказал о нем Харри. – Он не может долго усидеть на одном месте.

Камаль объявил, что стол к ужину накрыт, и Кларри повела гостей в редко используемую столовую. Потрескивающий в очаге огонь разогнал затхлый холод помещения, а пятна сырости на стенах были не так заметны в уютном свете свечей. Благодаря словоохотливому Харри беседа за столом не умолкала ни на минуту. Кларри рассказывала истории об обитателях Шиллонга, слушая которые, он весело хохотал. Олив также была необычайно оживлена. Кларри старалась вовлечь в беседу и отца, чтобы он тоже был в хорошем настроении. Пока что он не пил лишнего и явно был доволен обществом редких гостей. К счастью, Уэсли этому способствовал, отдавая должное глубоким познаниям Джона и расспрашивая его обо всем – от произрастающих в Ассаме видов бамбука до местных типов почв. Джон был польщен его вниманием и постепенно стал смягчаться в отношении этого молодого человека.

Ужин проходил столь удачно, что Кларри решила вновь завести разговор о выращивании чая.

– А какие новшества применяются в Оксфордском поместье? – спросила она гостей.

Уэсли воодушевленно заговорил о механизации, о множестве новых машин для сушки и скручивания чайного листа, которые они устанавливают.

– Это шаг вперед, – заявил он. – Снижение издержек за счет увеличения масштабов производства.

– Но всегда будет спрос и на чай с более утонченным вкусом, – возразила Кларри, – который выращивают выше в горах и раньше собирают.

– Возможно, если в поместье хорошо налажено управление, – заметил Уэсли, пожимая плечами. – Но множество мелких хозяйств разорилось только из-за того, что производство в них слишком затратно и неэффективно.

– Что вы имеете в виду? – угрюмо спросил Джон.

– Организацию труда, – сказал Уэсли. – Вам нужны работники, которые находятся на месте на протяжении всего года, а не приходят или уходят, когда им это удобно или когда плохой урожай.

– Всем довольный работник – эффективный работник, я так считаю. Наши сборщики чая живут в деревнях и возвращаются каждый вечер домой, к своим семьям, как и должно быть, – раздраженно ответил Джон.

– Так же как и наши, – заметил Уэсли. – Только они живут в поместьях, где мы можем более полно использовать их время.

– Как шестеренки в механизмах, – едко заметил Джон.

– Да, это тяжелый труд, но они получают за него достойную плату. Многие приходят из мест с гораздо худшими условиями, недостаточными для того, чтобы заработать на жизнь.

Кларри, вдруг вспомнив о больном сыне Амы, не удержалась от вопроса:

– Если работникам так хорошо у вас живется, зачем же тогда вы связываете их по рукам и ногам, вынуждая подписывать договор?

Уэсли пристально посмотрел на нее.

– У нас никого не держат насильно, но система перестанет функционировать, если позволить рабочим приходить и уходить, когда им заблагорассудится. Такого нет ни в одном другом производстве. Почему же так должно быть в чайной индустрии?

– Даже если работники заразились малярией и не получают медицинской помощи?

Он сощурил глаза.

– Вы говорите так, как будто имеете в виду кого-то конкретно.

– Нет, – вспыхнула Кларри. – Просто общие наблюдения.

– У нас есть врачи, которые следят за здоровьем наемных работников и их семей, – сказал Уэсли. – Вас, должно быть, ввели в заблуждение.

Джон хлопнул ладонью по столу.

– Моя дочь знает, о чем говорит. Ей известно о чае намного больше, чем кому бы то ни было.

Его негодование возрастало.

– И не смейте обвинять маленькие хозяйства в обвале цен на чай. Дело не в нашей неэффективности. Виноваты большие хозяйства, такие как ваше, жадно расширяющие площади посадок. Чай, который выращиваете вы, – низкого качества. А использование всех этих новомодных машин и ведение дел на плантациях, как будто на фабриках, только ухудшает картину. Вы, возможно, знаете все о котлах и плугах, молодой человек, но чай – это совсем другое. Здесь невозможна унификация.

– Нет, возможна! – возразил Уэсли, тоже горячась. – Вот в этом вы и ошибаетесь.

– Возможно, оба метода имеют право на жизнь, – примирительно подытожила Кларри, чтобы снизить накал страстей.

Она уже раскаивалась в том, что спровоцировала молодого плантатора.

– Нет, не имеют! – выпалили Джон и Уэсли одновременно.

Харри натянуто засмеялся, чувствуя себя неуютно в столь напряженной атмосфере.

– Хочу сказать, мисс Белхэйвен, вы, похоже, действительно знаете немало о чайном производстве, – заговорил он. – Но, может, лучше оставить эти дела мужчинам, как вы полагаете? Возможно, пока они будут завтра осматривать поместье, вы с вашей сестрой захотите вместо этого понаблюдать за тем, как я буду рыбачить?

– Да, конечно, – тут же согласилась Олив. – Это будет замечательно. Правда, Кларри? Я могу взять с собой альбом.

– Вы еще и рисуете?! – воскликнул Харри, цепляясь за возможность сменить тему разговора.

– И очень хорошо, – вставила Кларри. – Ты можешь взять также мольберт и краски.

Лицо Олив осветила улыбка.

– Да, если можно.

– Решено, – просиял Харри.

Вскоре после этого Кларри и Олив оставили мужчин. Кларри уговорила сестру лечь спать, пообещав, что они встанут рано и присоединятся к мистеру Уилсону у водопада. Сама она устроилась на веранде, прислушиваясь к приглушенному спору, доносящемуся из столовой. Ее отец и Уэсли все никак не могли прийти к согласию по поводу выращивания чая. Кларри чувствовала себя совсем обессиленной. Глупо было надеяться на то, что она сможет переубедить этих двоих упрямцев. Они друг друга стоили.

Через полчаса гости вышли и стали собираться домой.

– Полагаю, ваш отец немного устал, – сказал Харри. – Он удалился в свой кабинет.

Кларри кивнула. Харри поблагодарил ее за ужин и, прощаясь, поклонился. Уэсли посмотрел на нее своим обычным оценивающим взглядом. Кларри подумала, что он, должно быть, так же не уверен в ней, как и она в нем. Она протянула ему руку, и он взял ее как будто для рукопожатия, но затем передумал. Уэсли поднес ее руку к своим губам и запечатлел на ней легкий поцелуй. Глаза Кларри округлились. Ее пронзило возбуждение. Наблюдая за ней, Уэсли вопросительно приподнял темные брови, словно уловил происшедшую с ней перемену. Он задержал ее руку чуть дольше, чем того требовали приличия, и Кларри не отдернула ее.

Харри прокашлялся.

– Что ж, идем, старина Робсон.

– Благодарю вас за этот приятный вечер, – проворковал Уэсли и отпустил ее руку.

Кларри почувствовала странное сожаление.

– Рада, что вам у нас понравилось, – ответила она.

Он недоверчиво улыбнулся, как будто заподозрил ее в насмешке.

– С нетерпением жду завтрашнего дня.

– Мистер Робсон, – окликнула его Кларри, когда он уже повернулся, чтобы уйти. – Пару слов о моем отце. Он очень много знает об Индии и о выращивании чая. Пожалуйста, прислушайтесь к его замечаниям. Он гордец, но если вы заслужите его уважение, то, я уверена, он тоже станет прислушиваться к вам.

Уэсли хотел что-то возразить, но сдержался. Торопливо поклонившись, он отвернулся.

Затем молодые люди сбежали вниз по ступеням и кликнули своих лошадей. Кларри смотрела, как они запрыгнули в седла и рысью выехали за ворота. Слуги указывали им путь, держа в руках факелы. Еще несколько минут Кларри наблюдала за тем, как они движутся среди деревьев. Затем Харри и Уэсли повернули за склон холма и скрылись из виду.

Глава третья

Кларри проснулась рано, с тревожными мыслями об Аме и о ее сыне. Голова опять болела после вчерашнего падения, но, не обращая на это внимания, девушка на цыпочках выбралась из комнаты. Через десять минут она уже проскользнула во двор Амы и, заглядывая под низкую соломенную крышу, позвала свою старую няньку.

Прихрамывая, Ама вышла, закутавшись в шаль. У нее был изможденный вид. Кларри заговорила с ней на смеси английского и кхаси.

– Как Рамша? Камаль прислал лекарства?

Ама кивнула, устало улыбнувшись.

– Спасибо вам. Теперь он уже лучше спит. Лихорадка отступила. Но Рамша очень ослаб, кожа да кости. Боюсь, они выследят его раньше, чем он поправится.

– Здесь он в безопасности. – Кларри старалась говорить как можно убедительнее.

– Кто знает? Ловцов не беспокоит, как далеко сбежали работники. И всегда найдутся те, кто выдаст другого за несколько рупий.

– Вам не следует волноваться. Мы никому не позволим тронуть Рамшу. Несколько недель чистого горного воздуха и ваша еда вылечат его, – улынулась Кларри ободряюще.

Ама развела руки в стороны.

– У вас доброе сердце, госпожа Кларрисса. Такое же, как у вашей матери.

Они обнялись. Кларри потрясло то, какой маленькой стала ее няня, похожая на хрупкую птичку. Когда Кларри была ребенком, она утопала в покровительственных объятиях Амы. Няня гораздо сильнее проявляла свою привязанность, чем ее собственная мать, и Кларри везде следовала за ней как тень. Много раз Камалья посылали привести девочку из дома Амы, и он отчитывал Кларри за то, что она пропадает во дворах прислуги. Но даже в детстве Кларри чувствовала важность Амы. Она была главой рода и хозяйкой подворья, поскольку у народа кхаси имущество наследовалось по женской линии. Кларри росла, принимая как должное то, что окружающие ее женщины пользуются уважением и занимают достойное положение. Отец поощрял в ней самостоятельность и никогда не стремился ограничить ее интересы только домашними заботами. При наблюдении за другими англо-индийскими семьями Кларри всегда поражало то, какой ограниченной и скучной была в них жизнь женщин.

Возвращаясь назад в Белгури, Кларри продолжала размышлять на эту тему.

Неожиданно от деревьев слева от нее отделился всадник. Вздрогнув, девушка натянула вожжи. Она узнала гнедого жеребца и мускулистую фигуру наездника еще до того, как смогла различить его лицо в полумраке. Это был Уэсли.

– Что вы здесь делаете? – спросила она удивленно.

– Ищу вас, – ответил он прямо. – Я подумал, что вы, должно быть, выехали на утреннюю прогулку. Где вы были?

Кларри, растерявшись, медлила с ответом.

– Просто каталась.

Уэсли подъехал ближе. Их лошади заинтересованно ткнулись носами друг в друга.

– Не желаете еще покататься? – предложил он. – Встретить восход солнца?

Ощувив возбуждение, Кларри кивнула.

– Охотно. С вершины Белгури открывается прекрасный вид. Следуйте за мной, и я вам покажу.

Они поехали вверх по склону сквозь густые заросли деревьев, огибая забор подворья и пробираясь по извилистой тропинке, которую Кларри знала как свои пять пальцев. Через

двадцать минут пути они выехали на прогалину, которой заканчивалась тропка. Перед ними возвышался скалистый утес. Кларри спешила и привязала Принца к кусту.

– Если мы сюда заберемся, то увидим солнце над Гималаями. Тут придется карабкаться. Хотите идти дальше?

Уэсли удивленно поднял брови.

– Конечно, если вы справитесь...

Он осекся, встретив ее насмешливый взгляд.

Не дожидаясь, когда он спрыгнет с седла, Кларри направилась к камням и влезла на первый валун.

– Поспешите, если хотите застать рассвет, – окликнула она его.

Отсюда и дальше нужно было карабкаться на высокие камни, чередующиеся с ненадежными осыпями, кое-где поросшими низким кустарником. Спеша забраться наверх, Кларри оступилась и ухватилась за маленький куст. Она вскрикнула от боли – ее перчатку для верховой езды пронзил длинный шип, воткнувшийся в ладонь. Отпустив растение, девушка съехала назад, обдирая колени под бриджами. Уэсли остановил ее падение, бросившись вперед и прижав ее к земле.

Они лежали, тяжело дыша. Уэсли навалился на нее своим атлетическим телом. Кларри ощутила его теплое дыхание на своей щеке. Ее сердце неистово колотилось, и она чувствовала биение сердца Уэсли. Никто из них не шевелился.

– Вы поранились? – спросил Уэсли наконец.

– Да... Я схватилась за колючий куст, – выдохнула девушка.

– Дайте я взгляну.

Уэсли отстранился, чтобы осмотреть ее руку. Он осторожно снял перчатку. Острие шипа осталось в коже.

– Не шевелитесь, – приказал он.

Быстрым движением Уэсли выдернул обломок. Кларри вздрогнула, сдерживая крик. Уэсли засунул руку под жилет, достал оттуда карманную флягу и капнул немного виски на ранку.

– Ой! – не сдержалась Кларри. – Как больно!

Он улыбнулся.

– Немного потерпите, – сказал Уэсли, продолжая держать ее за руку.

Кларри, перевернувшись, села, и он заметил ее содранные колени.

– Похожи, тут тоже раны, – заметил Уэсли, снова потянувшись за флягой.

Она выдернула руку.

– Не смейте! Со мной все в порядке.

Взрыв смеха Уэсли эхом облетел округу.

– Не буду спорить.

Они пристально посмотрели друг на друга в свете начинающегося утра.

– И все-таки, почему вы так рано сюда приехали? – спросила Кларри.

– Я же сказал: хотел прокатиться. Я всегда встаю до рассвета. Харри невозможно растолкать в такую рань. Я подумал, что вы, наверное, тоже не спите, и не ошибся.

– То есть вы не шпионили?

Уэсли фыркнул.

– Шпионил?

– Изучали характер местности, возможно, расположение деревень. Вы из тех, кто в первую очередь думает о работе.

Она выдержала его прямой взгляд.

– Вы, должно быть, между делом смотрели, где тут можно завербовать работников.

– А если и так?

Кларри проглотила ком.

– Тогда имейте в виду: вы зря тратите свое время. Народ кхаси не интересуется работой на больших плантациях. Они прежде всего скотоводы и привязаны к этим холмам, независимо от того, плох урожай или хорош.

Прищуриив зеленые глаза, Уэсли придвинулся ближе к ней. Не в силах отвести глаз от его пристального взгляда, Кларри почувствовала, что он видит ее насквозь и знает, что она что-то от него скрывает.

– Вы ездили в деревню, – сказал он мягко. – Я видел вас.

Кларри ахнула.

– Вы следили за мной!

Уэсли не стал этого отрицать.

– Почему вы хотели скрыть от меня, где вы были? Вы чего-то недоговариваете. Уж не прячется ли там один из наших беглецов?

Кларри запаниковала.

– Конечно нет, – солгала она. – А вы не имеете права шпионить вокруг Белгури и выслеживать меня!

Уэсли улыбнулся, ничуть не раскаяваясь в содеянном.

– Вы меня заинтриговали. Я никак не могу понять вас, Кларисса. Поначалу мне казалось, что вы презираете меня. Затем, вчера вечером, вы были уже другой – внимательной, доброй и такой очаровательной! Исчезла дикая девчонка, разъезжающая верхом, а на ее месте появилась взрослая женщина. Должен признаться, я был пленен.

Уэсли придвинулся еще ближе.

– Вы лишь прилежно исполняли роль хозяйки или ваши чувства ко мне изменились, как и мои к вам?

Кларри уставилась на него, заливаясь румянцем от его смелых слов. Ей вообще не следовало находиться здесь рядом с ним. И о чем она только думала?

– Возможно, поначалу я вынесла слишком строгое суждение о вас, – признала девушка. – Обстоятельства сложились не лучшим образом. Я бы не хотела, чтобы вы были плохого мнения о нас, Белхэйвенах, и не важно, что там было в прошлом. По правде говоря, я надеюсь, что мы сможем сотрудничать, что вы и мой отец будете вместе заниматься бизнесом.

– Бизнесом? – Уэсли откинул голову и громко захохотал. – Ах, Кларисса! Все это время вы вынашивали планы о чайных посадках вашего отца, а я-то подумал, что вы добры ко мне, потому что я вам понравился.

– Понравились, – поспешила уверить его Кларри.

– Но?.. – подтолкнул ее Уэсли.

– Но я смотрю на это также как на возможность для вас и моего отца забыть разногласия для общей пользы. Я подумала, что, если вы увидите наше поместье и его потенциал, вы, возможно, заинтересуетесь в... ну, в том, чтобы изыскать кое-какие средства...

Первое время Уэсли, казалось, не находил, что сказать.

– Вы ищете инвесторов? Ваши дела настолько плохи, что ваш отец вынужден просить деньги у Робсона?

Кларри обиделась.

– Мой отец никогда не просит! И все не так уж плохо, просто временные затруднения. Уверена, что многие ухватятся за возможность войти в долю с моим отцом. Я просто вам первому предоставила шанс.

Неожиданно Уэсли взял ее за руку и улыбнулся.

– Вы и вправду необыкновенная девушка. Джон Белхэйвен даже не догадывается, как он счастлив.

Он склонил голову и поцеловал ее раненную ладонь. У Кларри перехватило дыхание от этого прикосновения. Их взгляды встретились, а затем Уэсли привлек ее к себе и решительно поцеловал в губы. Это повергло девушку в шок, но она не оттолкнула его. Немного поколебавшись, он слегка улыбнулся и, обхватив ее лицо ладонями, снова поцеловал. Это был долгий, крепкий, жадный поцелуй, от которого у нее все поплыло перед глазами.

Сердце Кларри неистово колотилось в груди, когда Уэсли отстранился от нее. Отчасти ее оскорбила его наглость, но вместе с тем Кларри желала, чтобы он целовал ее еще. От этого ощущения ее до самых глубин пробирала сладостная дрожь.

Уэсли внимательно посмотрел на нее.

– Вы действительно готовы на все ради вашего отца и Белгури, не правда ли?

– Что вы хотите этим сказать? – спросила Кларри хрипло.

– Флирт с врагом. Вы даже позволяете Робсону целовать вас. Как далеко вы можете зайти, милая Кларри? – Он дерзко оглядел ее.

В следующее мгновение она сильно ударила его здоровой ладонью по щеке. Уэсли с торжествующим видом схватил ее за руку.

– А теперь вы будете изображать маленькую невинную Клариссу, оскорбленную приставаниями дерзкого мужчины, – захохотал Уэсли. – Но я видел по вашим глазам, Кларри: вы женщина, которая отзывается на мужские поцелуи. Возможно, вы позволили поцеловать себя, потому что надеетесь добыть деньги для отцовских чайных плантаций, но, думаю, удовольствие вы тоже получили.

Если бы он не удерживал ее за руку, Кларри снова ударила бы его за эти возмутительные слова. До чего же заносчивый тип!

– Не льстите себе! – выпалила она. – Я не получила от этого ни малейшего удовольствия. Но в одном вы правы – я заинтересована в вас лишь постольку, поскольку вы можете помочь нам с Белгури. Хотя, полагаю, вас это не слишком беспокоит. Я уверена, что, будучи Робсоном, вы заботитесь лишь о том, имеет ли наше поместье перспективы на получение прибыли.

Уэсли отпустил ее руку.

– Да, вы за словом в карман не лезете. В этом вы истинная Белхэйвен.

Кларри отвернулась от него и поднялась на ноги. Скалы вокруг них окрасились в розовый цвет. Уэсли снова поймал ее руку.

– Не торопитесь. Вы обещали показать мне восход солнца. Идемте, – приказал он.

Уэсли пошел вперед. Он забрался на последний уступ и протянул руку Карри, чтобы помочь ей. Она позволила ему втащить себя наверх мимо колючего куста, и в следующую минуту они уже стояли на вершине холма, окруженные зазубренными камнями, как раз тогда, когда солнечные лучи брызнули из-за горной гряды на востоке. Кларри протянула руку на север, в сторону заснеженных Гималаев. Уэсли уставился на них с благоговением.

– Никогда не видел их так ясно, как сейчас, – восхищенно промолвил он. – Я будто оказался на крыше мира.

Кларри взглянула на него с интересом. Обычно он бывал либо надменным, либо насмешливым, но сейчас перед ней стоял совершенно иной Уэсли – ошеломленный первозданной красотой природы. Грубые черты его лица теперь казались мальчишескими от восторга. Кларри и Уэсли молча наблюдали за тем, как солнце обретает силу. Мимо пролетел попугай и своим пронзительным криком разрушил волшебство.

– Мне нужно возвращаться, – сказала Кларри. – Олив будет нервничать из-за того, что задерживается наш поход на рыбалку. Она увлеклась вашим приятелем, мистером Уилсоном.

– Зато вы, полагаю, нет, – проворчал Уэсли. – Видели бы вы себя, когда он предложил вам оставить дела мужчинам.

Кларри фыркнула.

– Я уже привыкла к такому отношению – встречаю его повсюду в Шиллонге. Но объясните мне: почему людей шокирует то, что девушка, не имеющая братьев, проявляет интерес к семейному бизнесу?

Губы Уэсли растянулись в улыбке.

– Думаю, вы правы.

– А в вашей семье кто-нибудь из представительниц женского пола принимает участие в решении деловых вопросов? – спросила Кларри.

– Нет, – признался Уэсли.

– Ну что ж, когда-нибудь это случится, – заявила она. – Мое поколение не согласится быть на вторых ролях, в тени мужчин. Я читала, что происходит в Англии: ситуация уже меняется.

– Горстка сумасшедших женщин требует права голоса, – усмехнулся Уэсли. – Вы это имели в виду? Они ничего не добьются. По крайней мере, на нашем веку.

– Я не была бы в этом так уверена.

Уэсли рассмеялся.

– Вижу, Джон Белхэйвен вырастил на своих чайных плантациях радикалку. Не думаю, что захочу вести с ним дела.

Кларри взглянула на него с беспокойством.

– Прошу вас только об одном: не судите предвзято.

Перед тем как спуститься с утеса, Уэсли спросил:

– А почему ваш отец не захотел, чтобы вы показали мне поместье?

Кларри вспыхнула.

– Я не знаю.

– Он опасается, что мы станем друзьями? – предположил Уэсли.

– Не думаю, – ответила Кларри сухо, – что ему следует переживать об этом.

Спускаясь, она услышала, как Уэсли тихо засмеялся.

Рыбалка понравилась Кларри больше, чем она ожидала. Харри позволил ей воспользоваться удочкой Уэсли, купленной в специализированном магазине в Нортумберленде.

– Удочка с родины Белхэйвенов, – произнесла Кларри. – Она принесет мне удачу.

Удача улыбнулась ей в виде карпа средних размеров, которого слуги приготовили с рисом к позднему завтраку. После трапезы девушка дремала в ласковых лучах солнца, пока Олив рисовала и болтала с Харри. Но, когда тени стали удлиняться, Кларри захотелось вернуться и узнать, достигли ли ее отец и Уэсли взаимопонимания.

В то время, когда она уже собиралась возвращаться домой, на их полянку легким галопом выехал Уэсли. У него было сердитое лицо. У Кларри пересохло в горле.

– Все в порядке?

– Абсолютно.

Он не стал спешиваться.

– Ваш упрямый папаша вышвырнул меня из поместья и запретил мне здесь появляться.

– Что же вы такого ему наговорили, чтобы так его расстроить?! – воскликнула Кларри.

– Почти ничего. Он не дал мне такой возможности, – зло бросил Уэсли. – Но, может, хоть вы меня выслушаете.

Он соскочил с седла.

– Послушайте, Кларри... – Взяв ее за руки, Уэсли продолжил: – Ваше хозяйство запущено гораздо сильнее, чем я представлял.

– Заущено? – повторила Кларри. – Какой вздор...

– Те кусты, которые вы высадили заново, растут беспорядочно по всему склону, подобно тому как выращивают чай китайцы. Нужно сажать их рядами и ближе друг к другу. Тогда у вас будет больше кустов, больше листа, больше прибыли. И почва здесь не годится – в ней мало песка. Ваш отец, покупая Белгури, слушал свое сердце, а не рассудок. Его интерес к рыбалке затмил мысли о чае. Таково мое мнение.

Кларри с изумлением слушала Уэсли. Но, прежде чем она успела возразить, он продолжил:

– И производство здесь тоже допотопное! У вас до сих пор полный сарай людей, скручивающих листья вручную. Так ваш бизнес никогда не станет конкурентоспособным. Единственный путь уберечь ваше поместье от разорения – слиться с крупными чайными промышленниками, чтобы получить возможность использовать современные механизмы и изменить технологию производства. Я пытался донести все это до вашего отца, но он выгнал меня с гневной отповедью.

– Это неудивительно, – наконец нашлась с ответом Кларри. – Я вижу, вы сделали все, что только возможно, чтобы оскорбить и унижить его. Он получал приличные доходы от Белгури, когда вы еще под стол пешком ходили.

Уэсли выпустил ее руки. Вид у него был мрачный.

– Времена изменились. Я считал вас более благоразумным человеком, но теперь вижу, что вы так же зашорены, как и ваш отец.

Кларри рассердилась.

– У Белгури есть будущее, если мы найдем человека, чья широта ума позволит ему понять уникальность этого места, а энергия будет направлена не на критиканство. Я думала, таким человеком могли бы стать вы, – выпалила она, окатив Уэсли презрительным взглядом. – Однако, как оказалось, я ошибалась. Отец был прав: вы так же ограничены и преисполнены чувством собственной важности, как и любой из Робсонов!

– Вы, Белхэйвены, не лучше! – огрызнулся Уэсли. – Вы просто не можете примириться с тем, что мы, Робсоны, всегда были успешнее вас в делах.

Кларри отвернулась от него.

– Олив, собирай вещи. Мы едем домой.

– Но я еще не закончила! – запротестовала сестра.

– Уже поздно, – строго возразила Кларри, – а нам предстоит еще полчаса пути.

Харри выбрался из воды, привлеченный их криками. Кларри не позволила упросить себя остаться еще хотя бы ненадолго.

– Спасибо за сегодняшнюю прогулку, – сказала она, помогая Олив упаковывать вещи в седельную сумку. – Надеюсь, вы к нам еще заглянете, мистер Уилсон.

– С огромным удовольствием, – ответил Харри. – А я в свою очередь хотел бы угостить вас чаем в ваш следующий визит в Шиллонг.

– О да, отлично! – ответила Олив за них обеих.

Кларри натянула перчатки и села в седло, улыбнувшись Уилсону на прощание.

– Это будет мило с вашей стороны. Спасибо!

Уэсли стоял, стиснув зубы.

– Всего доброго, мистер Робсон, – сказала Кларри сдержанно. – Не думаю, что мы еще когда-нибудь с вами встретимся.

Он глядел на нее снизу вверх, сердито сверкая глазами. Она пережила миг торжества, заставив его на время потерять дар речи. Как только Кларри пустила Принца шагом, Уэсли бросился вперед и схватил вожжи.

– Отпустите! – крикнула девушка.

– Послушайте меня, – сказал он спокойно. – Вы совершаете глупость, отвергая мой совет. Белгури на грани банкротства. Если вы ничего не предпримете в ближайшее время, вам нечего будет предложить кому бы то ни было.

Он не отпускал всхрапывающего Принца.

– Скажу откровенно: главный актив, которым еще располагает ваш отец, – это вы!

Кларри открыла рот от изумления.

– Да как вы смеете! – прошипела она и выдернула вожжи из его рук.

Она ударила пони пятками, направляя его рысью и заставив Уэсли отскочить, чтобы не быть растоптанным.

Въезжая в лес, Кларри оглядывалась только затем, чтобы удостовериться, что Олив следует за ней. Ей хотелось побыстрее удалиться от ненавистного Уэсли.

Глава четвертая

В последующие недели у Кларри было достаточно времени на то, чтобы поразмыслить о визите Уэсли. Пришла весна, принесла с собой нехарактерную для этого сезона жару и отсутствие небольших дождей, способствующих развитию первых, наиболее нежных почек на чайных кустах. Они собрали, что могли, но закупщики из Калькутты хмурились и ворчали, глядя на этот скудный урожай, и предлагали за него слишком мало.

Начало лета также выдалось сухим и жарким. Листья на растениях были слишком маленькими и редкими. Они тщетно ждали влаги.

– Скоро начнется сезон дождей, – предсказал Камаль. – Если на то будет воля Божья.

В деревнях проводили обряды, направленные на то, чтобы умилостивить богов и убедить их ниспослать дождь. Пастбища на склонах холмов выгорели на солнце, и скот отошал. Кларри слышала бой барабанов от рассвета до наступления ночи.

Но главной причиной ее беспокойства был отец. После злополучного появления Уэсли в их поместье Джон снова погрузился в глубочайшую депрессию, словно больше не верил в будущее Белгури. Кларри проклинала молодого плантатора за то, что он вселил сомнения в и без того уже затуманенное сознание ее отца. Она пыталась расшевелить Джона, но он предпочитал запирается в кабинете и напиваться до бесчувствия.

В такие часы Кларри задумывалась о том, разумно ли было с ее стороны отвергнуть предложение Уэсли о помощи, пусть и приправленное завистливой критикой. Возможно, их единственный шанс выжить заключался в том, чтобы подчиниться требованиям владельцев крупного хозяйства и согласиться на любые условия, какие бы те ни предложили. Ведь предсказанный Уэсли крах с каждым днем обретал все более осязаемые очертания.

В отчаянии Кларри пыталась привлечь отца к обсуждению этих вопросов, но его ужасала сама мысль о совместном ведении дел с Робсонами, и девушка отступила.

– Девочка моя, ты не знаешь, что это за люди, – говорил Джон. – Они безжалостны, совершенно безжалостны! Они могут расположить тебя к себе обещаниями и не выполнить их. Робсоны не успокоятся, пока не отберут у тебя последний пенни.

Его остекленевшие глаза наполнились страхом.

– Они разорили моего деда и отца, лишив их бизнеса, который они могли бы передать мне. Мой выбор был невелик: работать на брата Джейреда в его жуткой пивной или пойти в армию.

Джон замолчал. Его лоб от волнения покрылся испариной.

– Я всего добился сам, всю жизнь трудился и экономил. Белгури мое. Будь я проклят, если позволю им опять обобрать себя!

– Этого не будет, отец, – сказала Кларри, стараясь его успокоить. – Ни в коем случае. Мы найдем другой способ остаться на плаву.

Если Кларри и начала смягчаться по отношению к Уэсли, то на следующей неделе все внезапно изменилось. На плантации, рыдая, примчалась обезумевшая от горя Ама.

– Он исчез! Они забрали его! – завывала она. – Они выкрали его. Мой бедный мальчик!

– Неужели Рамшу увели?! – ахнула Кларри.

– Да, моего Рамшу! – Ама рухнула в ее объятия.

Кларри поспешно повела к дому свою старую няньку, пытаясь утешить ее.

Сидя на ступенях веранды и отпаивая Аму лимонадом, Кларри узнала о том, как три головореза вломились к женщине в дом и утащили ее больного сына.

– Вы уверены, что они из Оксфорда?

Ама кивнула.

– Они сказали, что должны наказать его в назидание другим, иначе все разбежится. Я пробовала их остановить, но они появились, когда все мужчины ушли пасти скот. Эти негодяи оттолкнули меня и стали кричать, избивая Рамшу палкой. Теперь я уже не знаю, увижу ли когда-нибудь снова своего дорогого мальчика... – Она замолчала, всхлипывая.

Кларри прижала ее к себе. Это сделал Уэсли. Тогда в сердцах она бросила ему обвинение в плохом обращении со своими работниками, и он что-то заподозрил. На следующее утро он выследил ее с единственным намерением узнать, где скрывается беглец, теперь она в этом не сомневалась. Его разговоры о созерцании восхода и прогулка с ней были только для отвода глаз. Какой же душой она была, что не поняла этого сразу! Кларри захлестнула волна стыда и злости. Она отвела Уэсли к Рамше и несет ответственность за его поимку. Она никогда себе этого не простит.

Кларри завела Аму в дом. Вместе с Камалем они старались ее успокоить, угощая чаем со сладостями. Но Ама была безутешна и не осталась надолго. Она вернулась в деревню и стала оплакивать своего потерянного сына, словно умершего.

По мере того как их дела шли все хуже, Кларри пыталась оградить Олив от суровой правды жизни. На четырнадцатилетие сестры она согласилась поехать с ней в Шиллонг и дала знать Харри об их визите. Первым делом они посетили монашек в миссионерской школе, где обучалась их мать, а потом Харри угощал девушек чаем в отеле «Пайнвуд» и рас-точал Олив комплименты по поводу рисунков, которые она ему показывала.

– Вам прекрасно удаются птицы, – восторгался он, – столько деталей!

Олив была чрезвычайно польщена и подарила ему несколько своих рисунков. Когда они уже собирались уходить, Харри задержал Кларри, взяв ее за локоть, и робко спросил, нет ли вестей от Уэсли.

– Нет, – ответила она отрывисто. – И я не имею желания их получать. А почему вы спрашиваете?

Он вспыхнул.

– Видите ли, я знаю, что между вами возникли недоразумения из-за вашего отца, но у меня сложилось впечатление, что Робсон равнодушен к вам.

Кларри фыркнула.

– Полагаю, вы ошибаетесь. Насколько я могу судить, мистер Робсон думает только о себе и о своей карьере.

Видя смущение Харри, она поспешила добавить:

– Простите меня, я знаю, что мистер Робсон ваш друг, но между нами нет ничего общего.

Харри улыбнулся.

– Тогда вы, наверное, не будете возражать, если я... если я загляну к вам, когда у меня будет увольнительная?

Кларри удивленно уставилась на него. Она поддерживала отношения с Харри только для того, чтобы Олив была счастлива. Сама она не испытывала к нему никакой симпатии. Взглянув на сестру, Кларри осторожно ответила:

– Олив и я будем рады видеть вас. Вы были очень добры, похвалив ее талант, и она высоко ценит вашу дружбу.

Харри удивленно взглянул на нее, но затем, кивнув, сердечно пожал ей руку.

Направляясь к Камалю, который ожидал их снаружи, Олив крепко взяла сестру под руку.

– Что сказал тебе Харри? – спросила она настороженно. – Он мой друг, а ты пытаешься отнять его у меня. Это нечестно!

– Не говори глупостей, – сказала Кларри. – Я не интересуюсь мистером Уилсоном. Я общаюсь с ним только ради тебя.

– Он хотел повидаться с тобой снова, не правда ли? – надулась Олив. – Харри только притворяется, что ему нравятся мои рисунки. Он делает это для того, чтобы угодить тебе.

– Они нравятся ему, потому что очень хорошие, – уверила сестру Кларри. – Я проявляю внимание к мистеру Уилсону только как к твоему другу и не стану вести себя иначе, обещаю тебе.

Это, казалось, успокоило Олив, но следующие пару недель Кларри получала от младшего офицера нежные письма, которые бросала в камин, оставляя без ответа. Она объясняла его внимание тем, что ему одиноко в казармах и что, кроме нее, ему, вероятно, здесь пока не встречались молодые женщины, за которыми можно было бы поухаживать. Его интерес к ней улетучится, когда он найдет какой-нибудь более подходящий объект для поклонения или услышит достаточное количество уничижительных высказываний о Белхэйвенах. Это навсегда отведит его.

Ожидание дождей достигло пика. Второй сбор чайного листа принес столь же бедный урожай, как и первый. Кларри руководила процессом завяливания, скручивания и ферментации чая с нарастающим тревожным чувством. Когда потемневшие листья были высушены и рассортированы, ими едва можно было заполнить пару ящиков.

Приехавший закупщик взглянул на их оранж пеко⁹ и заявил, что его качество гораздо ниже, чем в предыдущие годы. Он уехал, ничего не приобретя. Кларри ускакала на вершину дальнего холма, где жил отшельник, и горько плакала там, не видя путей из тупика, в котором они оказались.

Вдруг появился свами, опираясь на длинный посох и глядя на нее слезящимися глазами. Девушка смахнула слезы и поприветствовала его, сложив перед собой ладони и склонив голову.

Он улыбнулся и тихо заговорил с ней на хинди. Кларри мало что поняла из того, что он ей сказал, но ее утешило сочувствие в его голосе. Свами опустил на корточки рядом с ней и запел. Его тонкий голос зазвенел на поляне, словно птичье пение. Когда он замолчал, они сидели в тишине, и на Кларри снизошло удивительное умиротворение. Ей не следует терять надежду, как будто говорил ей свами, у нее есть путь, и она должна идти по нему с верой в то, что все будет хорошо.

Кларри встала, собираясь уходить, и старик тоже проворно поднялся на ноги и протянул руку, благословляя ее. Она вытащила из кармана сверток с чаем и сахаром, которые всегда оставляла у входа в хижину отшельника, и вручила ему дары. Они улыбнулись друг другу с благодарностью, и Кларри направилась своим путем с сердцем, укрепленным этой встречей.

Через несколько дней она увидела первые темные тучи, скапливающиеся на горизонте.

– Дождь! – вскрикнула девушка с облегчением. – Дождь, долгожданный дождь!

Позже в тот же день небо потемнело, как в сумерки, и первые тяжелые капли забарабанили по крыше дома. Вскоре дождь налетел стеной, пропитывая влагой все на своем пути. Кларри и Олив выбежали во двор и вместе с Камалем стали кружиться в грязи, визжа и смеясь, словно дети. Джон вышел на веранду с протекающей крышей, бледный как привидение, но с улыбкой на устах. Он поднял лицо вверх, подставляя ввалившиеся щеки под сбегаящие струйки воды. Широко раскинув руки, он взревел в небеса:

– Белгури!

Потом Кларри гадала, не примешались ли слезы к каплям дождя на его истощенном лице.

В последующие дни джунгли пышно зазеленели. Деревья и лианы расцвели буйством красок: рубиново-красные и пурпурные цветки, по форме напоминающие клювы попугаев,

⁹ Оранж пеко (Orange Pekoe) – сорт высококачественного черного чая.

свисающие желтые соцветия и ароматные белые звездочки индийской мушмулы. Дом почти полностью скрылся в облаке цветущей жимолости и жасмина. Любимым растением Кларри была китайская роза у калитки, утром расцветающая белым, а к ночи превращающаяся в темно-красную.

На одну-две недели муссоны, несущие дожди, восстановили ее оптимизм, и Джон тоже приободрился. Но радость длилась недолго. Дожди пришли слишком поздно для образования нежных чайных почек, и все, что они теперь соберут, будет грубым и низкокачественным. Листья стали водянистыми, и их сушка превращалась в трудоемкое занятие, требующее перерасхода древесного угля. Кроме обрезки и прополки, работников почти нечем было занять. Их финансовое положение останется тяжелым как минимум до следующего года.

Слухи об их бедствиях, видимо, начали распространяться по округе, поскольку им стали приходиться письма от кредиторов из Калькутты. Банк требовал возврата ссуды, портной желал погашения давней задолженности, а экспортер настаивал на расчете за ящики для чая. Джон отказался рассматривать их претензии.

– Пусть подождут, – сказал он раздраженно. – Они меня не запугают.

– Они не станут ждать вечно, – заметила Кларри. – Чем мы будем с ними рассчитываться?

На это Джону нечего было ответить. Кларри глубоко вздохнула и предложила:

– Может быть, пришло время подумать о продаже части поместья или хотя бы о сдаче дома в аренду? Думаю, общество охотников могло бы проявить заинтересованность.

Отец взглянул на нее с такой безысходностью, что она отшатнулась.

– Это наш дом, – выдал он из себя. – Дом твоей матери. Она здесь похоронена. Как ты можешь такое предлагать?

– Да, но он перестанет быть нашим, если мы будем сидеть сложа руки! – воскликнула девушка в отчаянии.

После этого разговора Джон заперся в кабинете на три дня, отказываясь выходить. Единственным утешением для Кларри стали долгие прогулки на Принце. Только во время этих скитаний среди холмов она обретала подобие спокойствия. Кларри озиралась находящиеся далеко внизу чайные плантации, и они представлялись ей такими крошечными и незначительными среди величественных гор и леса. Эти горы будут так же стоять, когда ни поместий, ни их обитателей уже не будет. Это заставляло Кларри вспоминать слова Уэсли о том, как дики и прекрасны холмы кхаси. Появлялся ли он здесь вновь, чтобы охотиться и рыбачить без ее ведома? Если да, то, зная, что его не желают видеть в Белгури, он обходил его стороной.

В такие минуты девушка позволяла себе подумать о том, чтобы пойти к Робсонам и попросить их о помощи. Хотя, конечно, она знала, что никогда не опустится так низко. Робсоны были врагами ее отца, а Уэсли – безжалостным вербовщиком, который, надо полагать, подослал своих подручных, чтобы они вытащили Рамшу из постели, избили и уволокли назад, батрачить на хозяев Оксфордского поместья.

В одну из таких поездок Кларри разглядывала гряды туч, скопившихся на севере после жаркого и сырого дня. Вспышки молний озаряли их темную массу. Северо-западный ветер гнал яростную бурю. Кларри повернула к дому, ощущая странную тревогу. Воздух стал густым и тяжелым. Тучи подтягивались все ближе, пока она ехала, подгоняя Принца. Они вздымались аркой, чья вершина была подобна готовому обрушиться нависающему гребню гигантской волны. Звуки леса вокруг нее затихли, как будто природа в ожидании затаила дыхание. Воздух стал совершенно неподвижным.

Кларри поняла, что не успеет добраться домой до начала бури. Гроза уже, наверное, была на расстоянии меньше мили и стремительно приближалась. Порывы ветра начали закручиваться вихрями и вздымать листья и пыль вокруг копыт бегущего рысью Принца.

Стало стремительно холодать. Кларри, не мешкая, повернула в лес, чтобы укрыться там. Найдя огромную акацию, она завела Принца между ее выступающими корнями и сорвала несколько бамбуковых ветвей, чтобы сделать временную крышу.

В последнюю секунду девушка сжалась у земли, и тут же налетел бешеный шквал, заставивший ее задохнуться. В считанные минуты ее бамбуковое убежище было сметено и унесено ветром вместе с вырываемой с корнем молодой порослью. Оглушительный удар грома последовал за яркой вспышкой молнии. Принц в страхе тихонько заржал, но мощные сплетения корней акации защищали их, и Кларри стала успокаивать пони ласковыми словами и поглаживаниями. А затем хлынули тяжелые потоки ливня, и они пережидали его, слушая, как дождь шумит в густой листве у них над головами.

Через час дождь утих, и Кларри вышла из укрытия, промокшая, но не пострадавшая. Она вернулась на тропу. Воздух стал прохладным и свежим. Изумрудно-зеленые джунгли контрастировали с уносящимися вдаль темно-фиолетовыми грозowymi тучами. Кларри глубоко вдыхала пьянящие ароматы мокрого леса. Дурные предчувствия, не дававшие ей покоя до начала грозы, как будто смыло дождем. Девушка осторожно прокладывала путь – Принц то и дело оскальзывался на дороге, превратившейся в небольшой ручей. К тому времени, как Кларри добралась домой, уже наступили сумерки.

Дома царило смятение.

– Где ты была? – закричала Олив, бросаясь ей навстречу. – Почему тебя не было здесь, когда он приезжал? Ты что, пряталась, пока он не уедет? Отец в ужасном состоянии.

– О чем ты говоришь? Кто приезжал?

– Мисс Кларисса!

Подбежал Камаль, неся ей линялый зонт, хотя она уже промокла до нитки.

– Скорее, скорее сушиться!

Он торопливо повел ее по лестнице в дом. С крыши все еще текла вода в переполненную бочку и капала с лиан на облезлую мебель.

– Я в порядке. Расскажите мне, что случилось.

– Страшная буря, – ответил Камаль, взволнованно морщась.

– Здесь был Уэсли Робсон, – раздраженно сказала Олив.

Кларри обмерла, услышав это имя.

– У них с отцом произошел страшный, жуткий спор. Ты должна была находиться здесь, чтобы остановить их.

– Меня задержал ливень, – объяснила Кларри. – Было бы небезопасно ехать в грозу. Чего вдруг мистер Робсон приезжал сюда?

Камаль и Олив тревожно посмотрели друг на друга, словно никто из них не хотел начинать первым. Камаль помог Кларри снять мокрую накидку, усадил в кресло у камина и закутал в одеяло. Девушка схватила его за руку.

– Расскажите же, что произошло!

Вздыхнув, Камаль присел.

– Робсон-сагиб... До него дошли слухи о том, что Белгури выставлено на продажу.

– От кого он это услышал?

Камаль покачал головой.

– Наверное, люди в Калькутте болтают.

– И что же мистер Робсон хотел?

– Он приезжал с предложением. Он сказал, что оксфордское чайное предприятие избавит Белхэйвен-сагиба от Белгури. Они выплатят все долги, но будут распоряжаться Белгури как собственным хозяйством.

– Собственным хозяйством?! – воскликнула Кларри. – Какая наглость...

– Слушай дальше, Кларри, – прервала ее Олив.

Заросшее бородой лицо Камалья исказила болезненная гримаса.

– Он сказал, что всем в поместье будут управлять Робсоны, а не Белхэйвен-сагиб. И что ему здесь очень нравится. Робсон-сагиб желает тут жить.

– Жить?! – вскричала Кларри. – А как же мы? Переселимся в какие-нибудь обшарпанные меблированные комнаты в Шиллонге? Наверное, так. Он должен знать, что отец никогда не согласится покинуть Белгури. Какой самонадеянный тип!

– Мистер Робсон сказал, что мы можем остаться, – произнесла Олив смущенно.

Кларри заметила, что ее сестра и Камаль снова обменялись обеспокоенными взглядами, и нахмурилась.

– Ничего не понимаю.

– При условии что ты выйдешь за него, – выпалила Олив. – Если ты согласишься выйти замуж за Уэсли Робсона, мы все сможем здесь остаться. Он просил у отца твоей руки.

Кларри изумленно уставилась на них, на минуту потеряв дар речи.

– Робсон-сагиб сказал, что это позволит сохранить Белхэйвенам лицо, – добавил Камаль. – Он желает спасти вас от нищеты.

– От нищеты! – возмутилась Кларри. – Да как он смел!

– То же самое ответил и отец, – отозвалась Олив. – Он кричал страшные ругательства в адрес мистера Робсона. Заявил, что никогда не позволит ему на тебе жениться, даже если тот останется последним мужчиной в Индии. Мистер Робсон тоже разозлился. Он заявил, что хотел поговорить с тобой и что *ты* должна была сказать последнее слово. – Тараторя это, Олив начала задыхаться. – Но папа ему ответил, что если он приблизится к тебе, то он застрелит его из своего револьвера. Отец сказал, что ты ненавидишь мистера Робсона так же, как и он сам, и чтобы он больше никогда здесь не появлялся. Он сказал, что скорее станет голодать, чем позволит мистеру Робсону забрать у него все, что он любит...

Ее слова прервал приступ кашля.

– Подними руки, – велела ей Кларри, принимаясь быстро массировать ей спину.

Камаль бросился поить Олив охлажденным чаем. Когда девочка снова смогла говорить, она спросила:

– Почему наш отец так ненавидит мистера Робсона?

– Он не верит ему, – ответила ей Кларри. – И я тоже не верю.

– Так ты не выйдешь за него?

Кларри бросила на нее сердитый взгляд.

– Разумеется, нет. Тут и говорить не о чем.

Ее бросило в жар от этой мысли.

– К тому же я ему даже не нравлюсь. Он задумал все это только для того, чтобы прибрать к рукам Белгури.

– Но зачем ему это нужно, если наше поместье ничего не стоит? – поинтересовалась Олив.

– Оно кое-что стоит, – возразила Кларри. – Оно многого стоит, и в качестве чайных плантаций, и как охотничьи угодья. О, мистер Робсон очень хорошо понимает его ценность. Почему, как ты думаешь, хозяева Оксфордского поместья так хотят заполучить Белгури? Робсон в первую очередь хладнокровный бизнесмен.

Олив разочарованно посмотрела на сестру.

– Но если бы ты вышла за него замуж, мы все могли бы остаться здесь.

– А мы и останемся здесь! – вскричала Кларри. – Отец принял решение, и я его поддерживаю. Брак с этим человеком невозможен.

Вскоре после этого Кларри пошла к отцу. Он стоял, глядя в окно своего кабинета. Девушка положила руку ему на плечо, но он даже не пошевелился.

– Олив и Камаль рассказали мне о визите мистера Робсона.

Джон затравленно посмотрел на нее.

– Он хотел отнять тебя у меня. Не только мою землю, но и любимую дочь.

Кларри прикоснулась к его руке.

– Он никогда не сможет этого сделать.

– Я сказал ему, что он тебя не получит. Я правильно поступил?

Джон вглядывался в ее лицо в поисках подтверждения. Кларри не сразу ответила ему, вспоминая, какой бурный отклик в ней вызвали поцелуи Уэсли. Она почувствовала себя предательницей.

– Безусловно, я никогда не буду счастлива с таким человеком. И я знаю, какие страдания это принесло бы тебе.

Джон глубоко вздохнул, почти застонал, и закрыл глаза. Когда он вновь заговорил, его голос звучал безжизненно и блекло.

– Тогда давай больше никогда не будем произносить имя этого человека.

Однако надежды Кларри на то, что настроение отца улучшится после того, как предложение Уэсли перестанет страшить его, не оправдались. Джон еще больше погрузился в сумрачный дурман и галлюцинации, находясь в добровольном заточении в своем кабинете, и она уже не могла до него достучаться.

Когда лето подходило к концу, он иногда мог не появляться по нескольку дней, а если и выходил, то лишь затем, чтобы раздобыть еще спиртного или опиума. Несмотря на болезненную худобу и трясущиеся руки, Джон находил в себе достаточно сил, чтобы сесть в седло и отправиться в деревню, где выменивал на ножи, часы, рыболовные снасти и седла наркотики и выпивку. По тошнотворно-сладкому запаху, который сочился из его берлоги, Кларри знала, что отец курит дурман. После этого он становился слабым и меланхоличным, его суставы и желудок мучительно болели. Ни дочь, ни Камаль не могли заставить его поесть. Джон таял у них на глазах, и Кларри ничего не могла поделать, чтобы остановить его медленное самоубийство. Не ошиблась ли она, так поспешно отвергнув предложение Уэсли? Его чувственное насмешливое лицо с рассеченной шрамом бровью часто являлось перед ее внутренним взором, и Кларри размышляла о том, как бы это могло быть, если бы она стала его женой. Но она гасила эти предательские мысли, ведь они ничем не могли помочь ее отцу.

С наступлением зимних холодов Кларри все сильнее охватывало отчаяние, ведь даже малейшая простуда могла лишить жизни ее отца. Они уныло встретили Рождество, не имея денег на подарки и угощения. Однажды в январе, как раз после девятнадцатого дня рождения Кларри, которое они не стали праздновать, учительница музыки Олив сообщила, что ее мужа переводят в Лахор и она уезжает вместе с ним. Первоначальное облегчение, которое испытала Кларри, подумав о том, что теперь ей не нужно изыскивать средства на оплату уроков, быстро сменилось чувством вины, ведь отъезд учительницы поверг Олив в депрессию. Она безучастно слонялась по дому, отказываясь заниматься.

– Зачем? Все равно некому оценить мою игру.

– Я ценю ее, – пыталась уговорить сестру Кларри. – И Камаль тоже.

– Но ты ничего в этом не понимаешь, – жаловалась Олив. – Только отец разбирается в музыке. Но она больше не интересуется его!

Не зная, что делать дальше, Кларри решила вызвать Джона на откровенный разговор. Она ворвалась в его кабинет и рывком раздвинула занавески на окнах, впуская яркий свет в мрачную комнату с застоявшимся воздухом. Отец вздрогнул и застонал.

– Сколько это может продолжаться?! – набросилась на него Кларри. – Я не позволю тебе махнуть на все рукой. У тебя есть две дочери, о которых ты должен заботиться, или ты об этом забыл? Когда в последний раз ты удосужился послушать, как Олив играет на скрипке? Когда в последний раз ты выходил взглянуть на чайные посадки и поговорить с работниками?

Она приблизилась к сжавшемуся на походной кровати отцу и ухватилась за одеяло.

– Вставай, отец. Вставай сейчас же!

От того, что она увидела, у нее сжалось сердце. Перед ней был почти скелет, одетый в ночную рубашку. Его бледные ноги и руки стали вдвое тоньше, чем раньше. Голова казалась слишком большой для туловища, а глаза были слишком велики для его лица. Скрепя сердце Кларри решила заставить отца подняться, боясь, что иначе он здесь умрет.

– Мне придется отправиться в Оксфорд и сказать Робсонам, что они могут приезжать и распоряжаться в Белгури, потому что Джон Белхэйвен сдался. Я должна *это* сделать, отец? – гневно потребовала ответа Кларри.

Он уставился на нее, как будто она была ему совершенно незнакома, и даже не пошевелился.

– Уэсли Робсон прав, – продолжала дразнить отца Кларри, – Белгури разорено. Кому оно нужно в таком состоянии? Я, должно быть, совершила большую глупость, отвергнув его предложение. Возможно, еще не слишком поздно...

Она добилась цели – лицо Джона исказилось от боли, и он предпринял попытку подняться.

– Нет, не надо... – прошептал он еле слышно.

Кларри нагнулась, чтобы помочь ему.

– Тогда поднимайся, папочка, – подбодрила она его, – ради меня и Олив, поднимайся и живи!

Но он тут же повалился назад.

– Я не могу, – прохрипел Джон. – Я слишком устал. Сама управляйся.

– Нет! – испуганно крикнула Кларри. – Без тебя я не могу.

Отец посмотрел на нее тусклым взглядом.

– Напиши... кузену Джейреду, – выдохнул он. – Он... вам поможет.

– Чем он может нам помочь? Он живет за тысячи миль от нас, в Англии. Джейред владеет пабом, а не банком. Отец, нам нужны деньги!

Отвернувшись, Джон закрыл глаза.

– Прости меня... я хочу только... чтобы меня оставили в покое.

Кларри смотрела на него, с трудом веря в происходящее. Месяцы страданий и борьбы за то, чтобы удержать Белгури на плаву, оказались тщетными. Страх и злость, поднимающиеся у нее в душе, грозили захватить ее целиком. У нее внутри что-то надломилось.

– Я ненавижу тебя! – закричала Кларри. – Ты трус! Я рада, что мать мертва и не видит тебя, беспомощно лежащего тут!

Она кричала, и ее трясло от гнева.

– Где мой отец? Где храбрый солдат, несгибаемый нортумберлендец? Ты – не он! Если ты не поднимешься и не попытаешься помочь своим дочерям, я больше не желаю с тобой разговаривать!

Но до Джона, казалось, не доходили ее угрозы. Он продолжал лежать без движения с закрытыми глазами, как будто Кларри здесь не было. С таким же успехом она могла бы кричать на отсыревшие стены. Девушка вылетела из комнаты, хлопнув дверью с такой силой, что задрожали стены. Не было нужды говорить Олив или Камалю о том, что случилось: по их изумленным лицам было видно, что они слышали каждое ее слово. Кларри пронеслась через гостиную и выбежала на веранду.

Вцепившись в перила, Кларри слышала, как заплакала Олив за стеной, но на этот раз она не смогла бы ее утешить. Кларри душил гнев, и она не была уверена в том, что сможет выдать из себя хотя бы слово. Она сжала зубы, чтобы не разрыдаться.

– Мисс Кларисса, – окликнул ее Камаль, стоя в дверях. – Пройдите в комнату, и я приготовлю вам чай с травами.

Не в силах вынести его доброту, она нетвердой поступью направилась к ступеням.

– Я еду к Аме! – выпалила Кларри и сбежала вниз.

Садясь в седло, она слышала, как Камаль просит ее остаться. Олив тоже выбежала на веранду.

– Возьми меня с собой! – закричала она. – Не оставляй меня здесь!

– Я хочу поехать одна! – крикнула Кларри в ответ, подгоняя Принца, чтобы поскорее выехать за ворота.

Камаль и Олив пытались уговорить ее вернуться, но Кларри, проглотив слезы, галопом помчалась в деревню.

Дым от вечерних огней поднимался в звездное небо. Припозднившийся скот возвращался в стойла. Кларри слышала женское пение, разносящееся в сумерках, крики матерей, зовущих детей домой. Где-то заиграла бамбуковая свирель, наполняя ночной воздух незамысловатой мелодией. Боль Кларри неожиданно утихла, словно кто-то снял с ее сердца тяжелый груз.

Она застала Аму и ее домочадцев сидящими вокруг костра, жующими бетель¹⁰ и сплевывающими красный сладковато-горький сок. Ама тут же пригласила Кларри присоединиться к ним, не задавая вопросов о причинах столь позднего визита. Одна из ее дочерей принесла гостю миску риса и пюре из бобов, а другая – горячего сладкого чая.

После этого все остальные ушли, оставив Кларри наедине с ее старой нянькой. Девушка излила Аме все свои горести и рассказала о ссоре с отцом.

– Я наговорила ему ужасных вещей. Непростительно ужасных, – призналась Кларри. – Но, видя его в таком состоянии... Я была так напугана и так зла на него. И сейчас тоже. Я не знаю, что мне делать. Помоги мне, Ама!

Поначалу женщина ничего ей не отвечала, продолжая жевать и смотреть в огонь и держа ладонь Кларри на своих коленях. Наконец Ама заговорила.

– Этой ночью ты должна укротить свой гнев. Когда взойдет солнце, ты помиришься с бабу-сагибом¹¹. – Она торжественно взглянула на Кларри. – Он дал тебе жизнь, и ты обязана его чтить. Он хороший человек, но сейчас его дух устал. Он потерялся и ищет путь домой. Но он все еще любит тебя.

Кларри склонила голову. Ее переполняли чувства. В конце концов она судорожно вздохнула, и из ее глаз хлынули слезы. Ама прижала девушку к себе и стала качать ее, гладить по голове и нашептывать слова утешения, пока Кларри выплакивала свою беду.

Потом девушка улеглась, положив голову Аме на колени, и смотрела в огонь, ощущая блаженную умиротворенность. Ей не нужно было спрашивать разрешения, чтобы остаться на ночь под крышей дома Амы, как иногда бывало в детстве.

Позже, свернувшись калачиком на тростниковой циновке под тяжелым шерстяным одеялом, Кларри уснула, ощущая запах дыма в волосах и слушая сопение скота за бамбуковой перегородкой.

Кларри проснулась, когда забрезжил рассвет. Она была удивительно спокойна и совсем не чувствовала той злости, которая одолевала ее вчера вечером. Девушка вышла на свежий утренний воздух, закутавшись в одеяло.

Она размешивала кашу, когда за оградой раздался шаг, и вскоре во двор стремительно вошел Камаль.

– Мисс Кларрисса! – закричал он. Его лицо исказилось от горя.

– Что случилось?

¹⁰ Традиционная для Индии жевательная смесь, сделанная на основе листьев бетеля с добавлением семян пальмы катеху. Оказывает на организм возбуждающее воздействие.

¹¹ Бабу – отец.

Кларри вскочила. Ее сердце тревожно забилося.

– Ваш отец...

Вдруг суровое лицо Камалю, заросшее бородой, сморщилось, как у ребенка. Он остановился и издал мучительный стон. Кларри окаменела.

– Нет, – выдохнула она. – Нет!

Не в силах пошевелиться, она смотрела, как слезы наполняют глаза кхансамы и катятся вниз по щекам. Скорбь Камалю сказала ей все без слов. Ее отец умер.

Глава пятая

Джон Белхэйвен был похоронен согласно завещанию: рядом со своей супругой Джейн на маленьком участке позади дома, а не на кладбище в Шиллонге, где хоронили всех выходцев из Британии. Его тело нашел Камаль, но не в кабинете, а в супружеской спальне. Джон лежал, свернувшись калачиком на покрытой плесенью кровати, в которой умерла его жена. Гарнизонный врач сказал, что его сердце отказало после многих лет малярии и горячки. Плантаторы редко доживали до пятидесяти пяти.

Кларри терзали воспоминания о жестоких словах – последних словах, которые Джон от нее услышал. Ее преследовало видение: отец, уползающий в свою старую спальню, словно раненое животное в нору. Скорбь Олив усиливала чувство вины.

– Ты убила нашего отца! – рыдала девочка. – Как ты могла сказать ему такое?!

Кларри даже не пыталась доказывать обратное, ведь в глубине души знала: это отчасти правда.

На похороны, которые провел священник из Шиллонга, пришло совсем мало людей. Были две монашки из монастыря и один чайный плантатор из Гувахати, с которым Джон рыбачил в лучшие времена.

Однако только через две недели после похорон среди плантаторов из более отдаленных районов распространился слух о его смерти, и начали приходить письма с соболезнованиями. Пришло короткое сообщение и от Харри Уилсона, но он не предпринял попыток нанести им визит. Из Оксфордского поместья не поступило никаких вестей. Кларри даже не знала, что чувствует по этому поводу – горечь или облегчение.

Они с Олив жили в состоянии неопределенности, нося траур и ожидая каких-то событий. Вскоре пришли письма из Калькуттского банка и от других кредиторов. Слова сочувствия соседствовали с настойчивым требованием продажи Белгури. Кларри вдруг отчетливо осознала: они могут быть выселены и будут скитаться по улицам Шиллонга или, еще хуже, Калькутты без пенни в кармане. Наверное, им придется просить монашек принять их к себе. Мысль о такой жизни повергала ее в уныние.

Отчужденность Олив также заставляла Кларри страдать. Младшая сестра почти не разговаривала с ней, казня за то, что Кларри оставила ее одну в ту ночь, когда умер их отец. Олив превратилась в несчастного, беспомощного ребенка. Она часами лежала в кровати и рыдала. Даже терпеливый Камаль был не в силах ее утешить.

Перебирая бумаги Джона, Кларри наткнулась на адрес его двоюродного брата Джейреда и написала ему письмо, извещая о смерти отца. Она уже подумывала о том, чтобы покинуть Индию и отправиться в эту неизвестную Англию, лежащую где-то далеко на севере. Джон с теплотой вспоминал о годах, проведенных на ферме в Нортумберленде, которая, правда, уже давно ему не принадлежала. Единственным из его родни, кто остался в живых, был его кузен Джейред, уехавший в Ньюкасл¹² в поисках работы. Джон пренебрежительно отзывался о двоюродном брате, содержавшем питейное заведение, но, вероятно, у Джейреда была более крепкая деловая хватка, чем у ее отца. Если ей удастся найти работу в Англии, она сможет содержать Олив до тех пор, пока та не станет совершеннолетней. Потом они могли бы вернуться домой, в Индию. Чем дольше Кларри думала об их положении, тем сильнее убеждалась в том, что им придется покинуть Ассам, чтобы выжить.

Хотя Кларри не получила ответа от Джейреда, она снова написала ему, спрашивая, сможет ли он помочь ей найти в Ньюкасле место экономки или компаньонки. Она сообщила

¹² Ньюкасл – крупный индустриальный город на северо-востоке Англии.

своему незнакомому дяде, что хорошо шьет и готовит, а также умеет обращаться с прислугой и вести домашнее хозяйство. И много знает о чае.

Отправив второе письмо, Кларри начала сомневаться в том, правильно ли она поступила, ведь она почти ничего не знала о своем родственнике. Женат ли он? Есть ли у него дети? В конце концов, жив ли он вообще? Поскольку Джон не стремился поддерживать связь со своим кузеном и никогда никому не писал, если в том не было крайней необходимости, она ничего об этом не знала.

Когда через месяц пришел ответ на ее первое письмо, Кларри почувствовала облегчение, ведь на свете был кто-то, к кому они могли обратиться за помощью. Она рассказала об этом Олив.

– Смотри, дядя Джейред прислал нам письмо! Он пишет, что ему очень жаль и что он любил нашего отца, когда они были детьми. Подписано: от Джейреда и Лили Белхэйвен. Лили, должно быть, его жена. – Кларри присела на кровать рядом с сестрой. – Ведь это же чудесно – иметь родственников, правда?

– Но какой в этом прок, ведь они так далеко, – безрадостно сказала Олив.

Кларри постаралась, чтобы в ее голосе прозвучал оптимизм.

– Они могут найти мне работу, я их об этом попросила.

– Что?! – Олив села на кровати. – Ты хочешь сказать, что мы поедem в Англию?

– А почему бы нет?

Олив ужаснулась.

– Мы ничего не знаем об этой стране, кроме того что там холодно и постоянно идут дожди, а также полно дымных городов, в одном из которых живет король. И мы не знаем наших родственников; возможно, они жестокие люди и продадут нас в рабство.

– Какие глупости! – засмеялась Кларри. – Ты читаешь слишком много сказок.

– Не нужно надо мной смеяться, – сказала Олив с укоризной. – Я серьезно. Я не хочу там жить.

Кларри взяла ее ладони в свои.

– Послушай, я тоже не хочу ехать в Англию. Но, похоже, у нас нет выбора. Нам придется продать Белгури, чтобы выплатить долг отца. Мы не сможем самостоятельно содержать поместье. Неужели тебе это не понятно?

– У нас есть выход, – сказала Олив с мольбой во взгляде. – Ты можешь изменить свое решение и выйти замуж за Уэсли Робсона.

– Как ты можешь говорить такое после того, как он поступил с нашим папой? – отпрянула от нее Кларри. – После посещения Робсона отец сдался. Встреча с этим человеком лишила его сил сопротивляться.

– Нет, Робсон здесь ни при чем, – прошипела Олив. – Это сделала ты.

Кларри встала. Она устала от жалоб Олив.

– Я не собираюсь спорить.

– Это твоя вина! – закричала Олив. – Во всем виновата твоя идиотская гордость! Если бы ты согласилась выйти замуж за мистера Робсона, все было бы хорошо. Отец примирился бы с твоим решением, если бы Белгури снова процветало.

– Не фантазируй, – ответила Кларри. – Такого никогда бы не было. Робсон получил бы нашу землю и не выполнил бы обещаний.

– Ты неправа, – сказала Олив, снова готовая разрыдаться. – Это был наш единственный шанс. Но ты все испортила. Если бы ты вышла замуж за Робсона, папа сейчас был бы жив!

Кларри выбежала из комнаты, уязвленная обвинениями сестры. Ерунда! Даже если бы она и согласилась на этот отвратительный брак, отец никогда бы его не благословил.

Однако Кларри не могла избавиться от гложущей ее мысли: не ускорила ли она смерть отца, отказавшись выйти замуж за Уэсли? Это была сомнительная возможность сохранить

Белгури, но все же это был шанс. Может, ей следовало попытаться переубедить отца, пока не стало слишком поздно? Она уже никогда этого не узнает, но это усугубляло ее и без того мучительное чувство вины за его смерть.

На следующей неделе Белгури было выставлено на продажу. Олив продолжала изводить Кларри обвинениями в эгоизме, упрекая за то, что она оттолкнула Уэсли.

– Что сделано, то сделано, – резко бросила Кларри. – Теперь слишком поздно что-либо менять.

– Может быть, и нет, – возразила Олив. – Почему бы тебе не написать мистеру Робсону и не сообщить ему о том, что ты передумала? А еще лучше поехать к нему самой. Я могла бы поехать с тобой.

– Нет! – воскликнула Кларри. – Я не могу. Он даже ничего не написал нам по поводу смерти отца.

– Значит, ты не любишь Белгури так, как говоришь, так, как люблю его я! – восклицала Олив. – Если бы я могла, то сделала бы что угодно, лишь бы остаться здесь, даже вышла бы замуж за такого человека, как Уэсли Робсон.

– Прекрати! – взмолилась Кларри.

– Не прекращу, – сказала Олив, – и не уеду отсюда. Я никогда не поеду в Ньюкасл, ты не заставишь меня это сделать!

Кларри решила посоветоваться с Камалем, но от него было мало толку.

– Вы должны принять волю Аллаха, – сказал он и продолжил заниматься своими делами, погруженный в печаль.

Когда пришло второе письмо от Джейреда и Лили с великодушным предложением поселиться в их доме в Ньюкасле до тех пор, пока сестры не достигнут совершеннолетия, у Кларри будто гора свалилась с плеч. Но Олив непрерывными рыданиями довела себя до болезненного состояния. У нее было несколько сокрушительных приступов кашля, после которых она совершенно обессилела. К тому же она простудилась. Кларри вместе с Камалем ухаживали за ней с растущим беспокойством. Олив ничего не говорила, но ее глаза были полны упрека.

Кларри уже начала подумывать о том, что еще недавно казалось ей невозможным: она поедет к Уэсли Робсону и будет просить его о помощи. Она готова униженно молить его о прощении, если это поможет вернуть сестру к жизни. Попросив Аму приглядывать за Олив, она в сопровождении Камала отправилась в Верхний Ассам.

Весь день они ехали вниз по склону холма через лес и джунгли, остановились на ночь в чайном домике и продолжили путь на следующий день, пока не добрались до Гувахати, раскинувшегося по обе стороны реки Брахмапутры. Здесь Кларри и Камаль оставили своих пони на постоялом дворе и сели на пароход, который через два дня пути вверх по реке доставил их в Тезпур. Сойдя на берег, они наняли двуколку, чтобы ехать в горы неподалеку от Нагаона.

Поначалу Кларри была настолько очарована сдержанной красотой туманной речной долины, что мало о чем думала, кроме самого путешествия. Но когда ландшафт сменился и они стали приближаться к Оксфордскому поместью, ее нервное напряжение многократно возросло. Что же она, в самом деле, скажет, когда окажется лицом к лицу с Уэсли Робсоном?

Подъехав к воротам поместья, Кларри и Камаль были поражены масштабами чайных плантаций. Посадки тянулись на многие мили по склонам холмов, так далеко, как можно было охватить взглядом. Получив разрешение въехать, они еще час добирались до центральной усадьбы, мимо добротных построенных производственных помещений. Множество работников сновало между рядами чайных кустов, согнувшись под тяжестью своей ноши. Кларри изумила такая активная деятельность в столь ранний сезон, но здесь растения уже

буйно зеленели, а воздух был теплым и влажным. В Белгури по ночам все еще случались заморозки.

В самом центре поместья, среди прекрасных декоративных садов виднелись низенькие дома, а также гольф-клуб и ухоженная площадка для игры в поло.

Из конторы вышел смотритель и, поприветствовав гостей, предложил им выпить. Он был бенгальцем и дружелюбно беседовал с Камалем.

– Смотровитель говорит, что может отвести вас к помощнику руководителя, – сказал Кларри Камаль. – Он в цеху.

У девушки замерло сердце.

– А где же мистер Робсон? – спросила она, вдруг ощутив сухость во рту.

Камаль покачал головой.

– К сожалению, его здесь нет.

Кларри охватил ужас.

– Когда же он вернется?

– Вам придется поговорить с помощником управляющего, мистером Бейном, – сказал Камаль, снова качая головой.

В цеху стоял оглушительный шум. Шипя, работали механизмы на паровой тяге, вращались гигантские валы и жужжали вентиляторы, сушившие огромное количество чайного листа. Кларри подумала об их маленьком помещении для сушки с бамбуковыми поддонами, которым требуется восемь фунтов¹³ хороших дров, чтобы получить древесный уголь для сушки всего одного фунта чая. Ей стало понятно, какая пропасть пролегает между Оксфордом и Белгури. Неудивительно, что Уэсли был таким язвительным.

Может, именно поэтому ее отец так противился ее общению с плантаторами из Верхнего Ассама и посещению их поместий, боясь, что она поймет, сколь незначительно их собственное. Кларри со стыдом вспомнила о том, как хвасталась перед Уэсли прекрасными чайными посадками. Возможно, в прежние времена мелкие поместья и преуспевали, но одного взгляда на этот механизированный цех было достаточно, чтобы понять: Белгури безнадежно устарело.

Мистер Бейн оказался приветливым краснолицым человеком, ненамного старше ее самой. Он попросил Кларри выйти из цеха. Услышав, откуда она прибыла, мистер Бейн не смог скрыть удивление.

– Белгури? Это поместье выставлено на продажу, если я не ошибаюсь. Я слышал, его владелец недавно умер.

– Да, это мой отец, – сказала Кларри.

– О боже. Очень сожалею. Чем я могу быть вам полезен?

– Я разыскиваю мистера Уэсли Робсона, – произнесла Кларри, краснея. – В прошлом году он изъявил желание приобрести Белгури.

– Ах, вот оно что, – сказал управляющий, приподняв светлые брови.

– Я хотела бы узнать, когда с ним можно будет поговорить, – продолжила Кларри.

– Мне очень жаль, мисс Белхэйвен, но его здесь уже нет. Он отсутствует с сентября.

– С сентября?! – ахнула Кларри.

– Да, я его замещаю. Мистер Робсон сказал, что изучил все, что хотел. Должен признаться, он произвел на меня впечатление человека, который всегда куда-то спешит.

«Да, – сказала себе Кларри, – это очень похоже на Уэсли: думать, будто он узнал все о выращивании чая меньше, чем за год».

– А куда он уехал? – спросила она.

¹³ Фунт – мера веса, равная 454 г.

– Ну, – мистер Бейн надул щеки, выдыхая, – думаю, он направился на Цейлон – посмотреть, как выращивают чай там; попутешествовать по Индии, поохотиться на тигров.

– То есть сюда он не вернется? – спросила Кларри, чувствуя странную опустошенность.

– Мне это неизвестно, – сказал заместитель, глядя на нее с любопытством. – Вы с Робсоном достигли договоренности?

Кларри вспыхнула.

– Нет, ничего такого. Тогда мы не были готовы продать Белгури, но теперь, после смерти отца, мы согласны.

Мистер Бейн кивнул.

– Я понял, но не уверен, что это что-то изменило бы, даже если бы он был здесь.

– Почему?

– Видите ли, мистер Робсон не из тех, кто задерживается на чем-то надолго. Думаю, если его предложение отвергли, он уже не будет к нему возвращаться. Он, скорее, выбросит это из головы и ухватится за следующую бизнес-идею.

Мистер Бейн виновато улыбнулся.

– Извините, от этого вам мало пользы. Позвольте угостить вас ланчем.

Кларри отказалась. Неожиданно ей захотелось покинуть это подавляющее своими масштабами место. Она попросила дать им корзину с едой на обратную дорогу. Управляющий был крайне удивлен тем, что она проделала весь этот путь в сопровождении одного лишь кхансамы своего отца. Но Кларри отвергла его предложение остаться, по крайней мере на ночь, вызвав еще большее недоумение своим экстравагантным поведением.

У Кларри было здесь еще одно дело. Прежде чем отправиться домой, она вернулась к конторе и спросила у смотрителя-бенгальца, можно ли ей взглянуть на вытянувшиеся вдоль улицы жилища работников. Он проявил подозрительность, но, услышав, что ей разрешил мистер Бейн, провел Кларри к хижинам.

Тут ей ударила в нос вонь сточных канав. Дети копошились в грязи возле убогих халуп. Не обращая внимания на крики патрулирующего улицу человека, Кларри, пригнувшись, вошла в одно из жилищ.

Здесь было так темно, что поначалу она ничего не могла разглядеть. Крохотное и без окон, жилище состояло из одной комнаты. Единственным источником света и свежего воздуха была дыра в соломенной крыше. Кларри представила, в какое болото превращается здесь пол, когда идут дожди. Посуда и циновки для сна для полудюжины человек были свалены под одной стеной. Напротив, судя по запаху, находилось отхожее место.

Кларри вышла, чувствуя тошноту. Когда придет сырое лето, здесь расплодятся москиты. На ломаном ассамском языке она спросила у взволнованного надсмотрщика, знает ли он Рамшу из Белгури, что в горах кхаси.

– Туземец? – спросил он с презрением. – Они слишком ненадежны – все время устраивают драки и сбегают.

Кларри описала его, но человек пожал плечами, словно не считал предмет разговора достойным обсуждения. Девушка рассердилась.

– Его мать – друг моей семьи!

Камаль попытался увести ее отсюда.

– Он ничего не сможет нам сказать.

– Я должна найти Рамшу. Я обещала Аме.

Мысль о том, что их поездка не принесла никакой пользы, казалась Кларри невыносимой.

К тому времени, когда они вернулись в усадьбу, слух о том, что она шпионит, достиг ушей заместителя управляющего, и он уже поджидал ее, утратив былую учтивость.

– Вам не следовало ходить в рабочий поселок, – проговорил он раздраженно. – Я бы никогда вам этого не позволил. Если управляющий узнает об этом...

– Я ищу сына своей подруги, – сказала Кларри, ничуть не смутившись. – Я хотела бы повидать его и привезти ей хорошие вести о сыне.

Он изумленно уставился на нее.

– Вы говорите об одном из наших работников?

– Пожалуйста, – попросила Кларри. – Обещаю, что сразу же после этого я покину ваше поместье. Я не собираюсь причинять вам беспокойство.

Со вздохом неодобрения мистер Бейн прошагал в контору к смотрителю и попросил его уладить этот вопрос.

– Потом позаботьтесь, чтобы мисс Белхэйвен и ее слуга благополучно покинули поместье, – сказал он и, резко поклонившись, ушел.

Просмотрев свои записи, смотритель грустно покачал головой.

– К сожалению, этот юноша умер два месяца тому назад. Как и многие другие жители высокогорья, он не был приспособлен к здешнему климату.

– И условиям, – проворчала Кларри.

Камаль вывел ее из конторы и увлек к двуколке, пока Кларри не устроила еще какого-нибудь переполоха. На обратном пути они ехали молча до самой Брахмапутры.

* * *

Последующие недели сборов и подготовки дома к продаже отвлекли Кларри от мыслей о приближающемся отъезде. Пока дом не был продан, банк должен был вступить в его временное владение, и ей хотелось уехать отсюда до унижительного выселения. Девушка решила, что они доберутся до Англии на те средства, которые им удастся наскрести, продав личные вещи. Сестры устроили аукцион. На него явились любопытствующие из гарнизона в Шиллонге, офицерские жены и клерки, которым хотелось взглянуть на скандальное бегство Белхэйвенов.

Кларри уснула Олив с ее альбомом для рисования, чтобы она не стала объектом внимания любопытствующей толпы, а сама скрепя сердце принялась играть роль хозяйки, предлагая посетителям чай. В конце концов в доме не осталось ни одного стула, чтобы присесть, или книги, чтобы почитать. Кларри не стала выставлять на торги скрипку сестры, несмотря на просьбы жены полицейского, которая хотела купить ее для своего сына. Кларри решила забрать инструмент Олив в Ньюкасл.

Уже были заказаны билеты на пароход из Калькутты в Лондон, и Кларри волновалась, успеют ли они уехать до наступления сезона дождей, который сделал бы путешествие вниз по реке очень опасным. Камаль отказался ехать с ними.

– Вернусь в свою деревню и открою чайную, – заявил он. – Или, может, постоянный двор.

Кларри с ужасом думала о той минуте, когда ей придется расстаться с Камалем и Амой. И с Принцем.

Сослуживец Харри Уилсона приехал, чтобы купить Принца. Он предложил хорошую плату.

– Нет, Принц не продается! – воскликнула девушка, видя, как скрупулезно он осматривает ее пони.

Позже Камаль попытался ее образумить.

– Вы не можете забрать Принца с собой в Англию. Ваши родственники писали вам об этом. Почему бы не продать его этому солдату?

Кларри покачала головой.

– Я хочу подарить Принца одному особенному человеку, который, я уверена, хорошо о нем позаботится.

– Вам нужны деньги, мисс Кларриса, – вздохнул Камаль. – И кого вы называете особенным? Надеюсь, не одного из этих деревенских оборванцев?

Кларри засмеялась.

– Нет, не оборванца. Я имею в виду вас, Камаль. Я хочу, чтобы вы взяли Принца себе. Глаза бенгальца округлились. Приложив кулак к губам, он притворился, что закашлялся.

– Я не могу... – вымолвил он.

– Можете. Жаль, я не в состоянии дать вам больше за все то добро, что вы сделали для нас.

– Спасибо вам, – пробормотал Камаль и отвернулся, чтобы скрыть слезы.

В последний день пребывания в Белгури Кларри встала до рассвета и поехала к хижине свами. В последний раз она видела, как поднимающееся солнце осветило вершины Гималаев, слышала звуки пробуждающегося леса. Мысленно возвращаясь к тому роковому утру, когда Харри застрелил лань, а Уэсли отнес Кларри без сознания в свою палатку, девушка размышляла о том, как бы сложилась ее жизнь, если бы она их не встретила.

Уэсли всколыхнул застарелую вражду между Белхэйвенами и Робсонами и ускорил крах Белгури. Здесь, в уединении этого романтического места, Кларри смогла признаться себе в том, что он ей нравится. Правда, она презирала себя за это. Уэсли эгоцентричен, и, увидев условия в поместье Робсонов, в которых жил и умер Рамша, Кларри никогда не простит ему бессердечности, с которой он преследовал любимого сына Амы. Старая нянька была безутешна, узнав о смерти сына, и ее скорбный плач и причитания, раздающиеся в ночи, были невыносимы.

Появившийся свами прервал ее размышления. Они поприветствовали друг друга, и старик, подойдя, повесил на шею Кларри гирлянду из цветов, как будто знал, что девушка собирается уезжать. Затем он вложил ей в ладонь гладкий розовый камешек – цвета гор во время восхода солнца. Тронутая, Кларри поблагодарила его и вынула из кармана подарок для него.

– Это морские раковины, – пояснила она. – Они с нортумберлендского побережья, это в Англии. Мой отец хранил их, чтобы они напоминали ему о море, о его доме. Туда я и направляюсь. Я никогда не видела Северного моря. Отец говорил, что оно часто бывает цвета грозных туч.

Кларри высыпала раковины в ладони отшельника.

– Я подумала, что они будут хорошо смотреться в вашем саду.

Свами кивнул и улыбнулся. Когда Кларри уходила, он запел песню радости. Девушка слышала ее даже тогда, когда ее обступили джунгли и отшельника уже давно не было видно.

Камаль приготовил на завтрак яичницу, которую ни Кларри, ни Олив есть не стали. Бывший кхансама собирался проводить их до парохода в Гувахати, а дальше идти своей дорогой, в Западную Бенгалию. Звук шагов эхом отдавался в пустом доме, когда они зашли туда, чтобы бросить прощальный взгляд. На веранде Олив обняла сестру, крепко прижавшись к ней.

– Я не хочу уезжать, – заплакала она. – Прости меня за все то, что я тебе наговорила. На самом деле я так не думаю.

– Я знаю, – ответила Кларри, обнимая ее.

– Пообещай, что ты никогда не бросишь меня, как мама и папа, – попросила Олив.

– Обещаю, – сказала Кларри, сильнее прижимая ее к себе. – А теперь идем, Камаль ждет.

В последний раз взглянув на запертый дом, она повела плачущую сестру со двора, к двуколке, которой правил Камаль. Сама Кларри поскакала на Принце.

В деревне они сделали остановку. К ним вышла Ама с дочерьми и, рыдая, обняла их на прощанье. Кларри заметила, что на Аме брошь и ожерелье, которое она подарила ей на память. Драгоценности принадлежали ее матери, и теперь ими владела Ама, поскольку последние восемь лет была им вместо нее.

– Мы вернемся, – пообещала ей Кларри. – Однажды мы вернемся, вот увидите.

Она была рада, что несколько часов могла ехать через джунгли позади двуколки и ее плач заглушали крики обезьян и птиц.

На следующий день они прибыли в Гувахати, к речной пристани, у которой стоял пароход. Здесь было жарко и влажно. Река разлилась из-за ранних дождей и стала в два раза шире, чем была в апреле. Острова оказались под водой, а вода стала коричневой от ила, который она смывала с подножий гор.

В саду на постоялом дворе, рядом со старинной пушкой сестры попрощались со своим дорогим Камалем. Слезы стекали в его бороду, когда он разрешил им обнять его на прощание и пообещал время от времени давать знать о себе.

– Для меня было честью познакомиться с вами и с Белхэйвен-сагибом, – сказал Камаль сдавленным голосом. – Да хранит вас Аллах.

– Это для нас было честью знать вас, – улыбнулась ему Кларри сквозь слезы. – Вы были нам лучшим другом. Спасибо.

Затем она погладила Принца и в последний раз прижалась лицом к его шее.

– Служи хорошо, мой Принц, – шепнула она ему на ухо.

Пони всхрапнул и взволнованно ткнулся в нее мордой, словно догадываясь о предстоящем расставании.

Последнее, что Кларри и Олив видели в Гувахати, когда пароход отчаливал от переполненной пристани, был Камаль верхом на Принце, машущий им рукой. Сестры махали ему в ответ и кричали, пока он не стал маленьким пятнышком вдали.

Кларри и Олив неподвижно сидели на передней палубе, глядя на поросшие лесом горы Гаро, проплывающие мимо них с восточной стороны. Далеко за этими горами находился их дом в Белгури. По мере того как пароход спускался вниз по течению, набирая пассажиров, Брахмапутра расширялась, становясь похожей на море. На песчаных отмелях дремали крокодилы, а члены экипажа по ночам ловили рыбу с кормы.

Еще через два дня пути они прибыли в Рангпур – железнодорожный узел, откуда должны были ехать на поезде до Калькутты. У Кларри были очень туманные воспоминания о путешествии по этому пути, совершенном в те давние дни, когда ее родители ездили в большой город по делам, за новой одеждой и для того, чтобы вечером сходить в театр. Олив ничего этого не помнила и становилась все более подавленной и молчаливой по мере удаления от Ассама. К тому времени, когда Кларри приехала в Калькутту, в миссионерский дом, где они с сестрой должны были остановиться на два дня до отплытия парохода из Индии, она и вовсе перестала говорить.

Пароход отчалил восьмого июля. Дул горячий ветер, и отражающееся в воде солнце слепило глаза. Кларри щурилась и прикрывалась ладонью, глядя в последний раз на берег, когда их корабль, вибрируя, выходил в открытое море. Многолюдная пристань с ее разговорчивыми торговцами и разнообразными запахами еды удалялась слишком быстро. Индия, единственный дом Кларри, кроме которого она ничего не знала и за пределы которого никогда не стремилась, теперь быстро ускользал от нее. И только когда совсем стемнело и на небе

засияли звезды, Кларри и молчаливая Олив нашли в себе силы оторваться от борта и спуститься в каюту.

Глава шестая

Выйдя ранним утром из поезда на гулком Центральном вокзале Ньюкасла, Кларри ощутила на своей руке сжавшуюся, словно тиски, ладонь Олив. Казалось, в этом гигантском здании каждый знал, куда ему идти. Люди подзывали носильщиков и стремительно пронеслись мимо, не находя ни секунды свободного времени на то, чтобы обратить внимание на странно одетых девушек в ярких шерстяных шالях и обвязанных шарфами шляпах.

– Не волнуйся, – сказала Кларри. – Дядя Джейред обещал быть здесь и встретить нас.

Они стояли около своего маленького дорожного сундука, держа друг друга за руки, и ожидали, когда их кто-нибудь окликнет. Всю ночь сестры сидели и теперь были уставшими и голодными. Когда перрон опустел, Кларри заметила мужчину, подзывающего их взмахом руки из-за ограды. У нее перехватило дыхание: она увидела двойника Джона, с такой же, как и у него, лысиной, длинным лицом и жилистой фигурой. Он стоял, уперев руки в бока, с таким же нетерпеливым выражением, как, бывало, и ее отец. Но на этом сходство и заканчивалось. У этого человека были огромные кустистые бакенбарды, почти сходящиеся книзу в бороду, и брюхо, натягивающее пуговицы на коричневом жилете.

– Эй, девочки! – крикнул он им. – Если вам нужен Джейред Белхэйвен, то он перед вами.

Кларри поняла, что дядя не собирается платить, чтобы зайти на перрон и помочь им. Она наклонилась, держа в одной руке скрипку Олив, а другой хватаясь за ручку сундука.

– Давай, Олив, берись за другую. Тут недалеко.

Сестра ничего на это не сказала. Но она ничего не говорила и во время их длинного путешествия, большую часть которого провела в каюте, страдая от морской болезни. Пока девушки тащили свой багаж к ограждению, им на помощь поспешил улыбчивый молодой носильщик. Он погрузил их чемодан на свою тележку и что-то дружелюбно сказал, но что именно, Кларри не поняла.

Джейред поприветствовал племянниц неловким рукопожатием.

– Вы дочки Джона, так ведь? Мне жаль вашего отца. Печальная история.

Он обвел их взглядом с нескрываемым любопытством.

– Ну, кто из вас кто?

– Я – Кларисса, но отец всегда звал меня Кларри. А это Олив, – ответила Кларри.

Джейред улыбнулся Олив и потрепал ее по щеке.

– Настоящая Белхэйвен, копия отца. А Кларри, надо полагать, похожа на мать. Я слышал, в ней была индианская кровь, – добавил он менее уверенно.

– Да, – подтвердила Кларри, краснея. – Она была наполовину англичанкой, наполовину ассамкой.

Дядя странно взглянул на нее.

– Ну, с этим ничего не поделаешь.

Повернувшись, он повел девушек к выходу.

– Снаружи стоит мой транспорт, – сказал Джейред таинственно.

Транспортом оказалась открытая телега, в которую был запряжен крепкий черный пони. Джейред велел носильщику погрузить чемодан на телегу сзади. Парень стоял, насвистывая, в ожидании вознаграждения. Поскольку Джейред не обращал на него никакого внимания, Кларри выудила одну из немногих оставшихся у нее монет – шесть пенсов серебром – и вручила носильщику. Глаза парня изумленно округлились.

– Спасибо, мисс, – заулыбался он и быстро засунул деньги в карман.

Когда он ушел, Джейред стал ее отчитывать:

– Пенни было бы достаточно. Не нужно портить их добротой.

Прежде чем Кларри успела что-либо возразить, дядя спросил:

– Где ваш остальной багаж? Его пришлют позже, да?

– Нет, это все, что у нас есть, – ответила Кларри.

Джейред посмотрел на нее с недоверием и пожал плечами.

– Ладно. Вы, конечно, можете купить себе что-нибудь из одежды. Моя Лили не откажется пройтись с вами по магазинам.

Кларри кивнула, думая о том, где же они возьмут деньги, чтобы купить новые платья. Ей нужно побыстрее найти себе работу, чтобы не быть обузой родственникам.

Тревожные мысли о деньгах быстро улетучились после того, как они влезли в повозку и она, раскачиваясь, смешалась с потоком остального транспорта. Джейред, подстегивая пони кнутом, пустил его рысью, направляясь на запад. Кларри и Олив, раскрыв рты и вертя головами, глядели на внушительные здания по обе стороны улицы. Высокие, массивные, с искусно выполненной каменной кладкой вокруг дверных и оконных проемов, дома устремляли острроверхие крыши и дымоходы в серое задымленное небо.

Кларри видела большие здания в Калькутте, но там не было такого разнообразия стилей. К тому же здесь все дома были темными. В Индии светлые здания сияли на ярком солнце, а тут камень был черным как сажа.

Неожиданно Джейред резко свернул в сторону, чтобы не столкнуться с огромным грохочущим вагоном. Олив завизжала, вцепившись в Кларри, когда вагон, нависая, приблизился к ним, а затем, лязгая и звеня в колокольчик, укатил прочь.

– Что это? – обомлела Кларри.

Джейред гулко захохотал.

– Это электрический трамвай, девочка. В Индии что, таких нет?

– Там, откуда мы приехали, нет, – ответила Кларри.

– Он отвезет тебя куда надо за миг, – объяснил им дядя. – Но моя Лили предпочитает ходить пешком. «Бог дал нам ноги, чтобы мы ходили», – говорит она. К тому же все можно купить и в Элсвике¹⁴. Так зачем ездить в город?

Остаток этой короткой поездки Джейред говорил о своем бизнесе. Он содержит очень уважаемое питейное заведение, или, как он предпочитает его называть, гостиницу. Там есть бар и зал, в котором обслуживание официантки обходится посетителям на полпенни дороже. С обратной стороны здания находится магазин пирожков Лили, пользующийся большой популярностью.

– Люди идут к нам со всей округи за пирожками Лили. Да и богачи из Уэстгейт-Хилл тоже постоянно их заказывают.

Джейред взглянул на Кларри.

– Ты писала, что умеешь готовить. Сможешь помогать нашей Лили на кухне, а Олив станет работать со мной в баре. Ее молодое свежее личико будет радовать посетителей.

Кларри бросила на сестру полный ужаса взгляд.

– Я с радостью буду помогать вам в свободное время, – ответила Кларри. – Но с Олив дело обстоит иначе. У нее слабое здоровье. И я надеюсь, что здесь она пойдет в школу.

Джейред резко обернулся, едва не свалившись со своего сиденья.

– В школу?! И сколько же ей лет?

– Недавно исполнилось пятнадцать.

– Пятнадцать! Здесь девчонки начинают работать в двенадцать-тринадцать лет, – выпалил он, захохотав, словно услышал очень смешную шутку. – Нет-нет, вы обе должны отрабатывать свое содержание.

¹⁴ Элсвик – район в Ньюкасле.

У Кларри екнуло сердце, но она ободряюще улыбнулась сестре. Чем дальше они ехали, тем сильнее на лице Олив отражалось беспокойство. Огромные здания вскоре уступили место рядам изрыгающих дым одинаковых кирпичных домов, громоздящихся на крутом берегу. С левой стороны вниз уходили промышленные строения, краны, а на грязно-коричневой реке свистели буксиры. Телега покатила по длинной улице, застроенной лавками. Их окна были затенены навесами. Здесь было многолюдно.

– Это Скотсвуд-роуд, – с гордостью объявил Джейред. – Тут можно купить все, что только есть на белом свете.

Кларри разглядывала покупательниц на пыльных тротуарах, одетых в юбки из плотной ткани и плащи, хотя день обещал быть по-летнему теплым. Как будто для того, чтобы уравновесить тусклые цвета их одеяний, на них были удивительно разнообразные широкополые шляпы, украшенные лентами, перьями и искусственными цветами.

Двое босоногих мальчишек, приглядывающих за ломовой лошадьё, удивленно уставились на проезжающих мимо сестер.

– Эй, глянь на этих девчонок! – воскликнул один из них, тыча пальцем.

– Едете на бал-маскарад, мисс? – закричал второй.

Их непосредственность напомнила Кларри о деревенских мальчишках в Индии. Она помахала им рукой, чем вызвала новый взрыв заливистого смеха.

– Не обращай внимания на этих подонков, – сказал Джейред.

– Я не обиделась, – улыбнулась Кларри. – Мы, наверное, смешно выглядим в своих шляпах от солнца.

– Ага, – проворчал он. – В Элсвике они вряд ли вам пригодятся.

Он вдруг резко повернул и въехал в боковой переулок.

– Это Вишневая улица, – сообщил Джейред.

Кларри постаралась скрыть смятение. Она представляла себе широкую улицу, обсаженную вишневыми деревьями, бросающими тень на дома, и ухоженные сады за красивыми оградами. Кларри видела картины с изображением таких английских улиц на стенах отеля «Пайнвуд» в Шиллонге. Но Вишневая улица оказалась узкой, мощенной булыжником, со сплошными рядами кирпичных домов по обе стороны и полным отсутствием всякой растительности. Тут не было даже травы, не говоря уже о деревьях.

– Вот и приехали! – радостно объявил Джейред, останавливаясь у ряда окон с мутными от пыли стеклами.

Над дверью была вывеска с потускневшей золотой надписью, которая сообщала о том, что здесь находится гостиница «Вишневая».

– Заходите, а я отведу Барни на задний двор.

Кларри открыла входную дверь, и в нос ей ударил знакомый тошнотворный запах виски и табачного дыма. В точности как в кабинете ее отца. Девушка сглотнула, чтобы избавиться от тошноты, и постаралась прогнать внезапно возникший образ – изможденное тело отца, лежащее на походной кровати. Сестры оказались в крохотной прихожей, отделанной темным лакированным деревом. Слева была дверь с табличкой, на которой значилось: «Бар». Табличка на двери справа сообщала о том, что за ней находится «зал». Гул мужских голосов доносился из-за двери в бар. Неужели кто-то может пить в такое раннее время? Прямо перед ними была третья дверь, которую Кларри поспешно распахнула.

– Тетя Лили! – позвала она.

Девушки очутились в помещении, которое одновременно было и гостиной, и кухней. Там стоял запах вареного мяса. На плите испускали пар большие кастрюли, а на массивном столе, обсыпанном мукой, лежало раскатанное тесто. Выскобленный деревянный пол был не застелен. Обстановка была весьма аскетической, за исключением мягкого кресла у очага. На стенах не было ни картин, ни иных украшений, не считая аляповато оформленной

цитаты из Библии, предупреждающей о том, что «тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их»¹⁵.

Кларри бросила взгляд на Олив. Лицо девочки посерело. Кларри быстро усадила сестру на табурет. Невысокая дородная женщина с закатанными рукавами на толстых руках, с седеющими волосами, стянутыми в тугий узел, вбежала из смежного помещения для мытья посуды.

– Тетя Лили! – сказала Кларри, улыбаясь и протягивая руку.

– Для вас – миссис Белхэйвен, – ответила женщина, не отвечая на приветствие.

– Да, конечно, – произнесла Кларри.

Она представилась сама и представила свою сестру.

– Что с тобой? – спросила Лили у Олив. – Почему ты такая бледная?

– Она себя очень плохо чувствовала всю дорогу на пароходе, – объяснила Кларри. –

Олив нужно провести несколько дней в постели, и ее силы полностью восстановятся.

Лили презрительно фыркнула.

– Никто в моем доме не будет дни напролет лежать в постели.

Она подошла к Олив и положила ладонь ей на лоб. Девочка отпрянула, услышав запах лука, исходящего от грубых пальцев Лили.

– Думаю, достаточно будет тебя немного откормить. Кожа да кости. Ты любишь пирожки со свиной?

– Мы не едим свинину, – сказала Кларри.

Лили бросила на нее недоверчивый взгляд.

– Это еще почему?

– Наш кхансама, Камаль, не мог ее есть. Видите ли, он мусульманин. Поэтому мы никогда ее и не готовили.

Лили надула щеки, словно услышала что-то неприличное.

– Значит так, есть вы будете то, что вам дадут, и будете за это благодарны. Я говорила мистеру Белхэйвену, что он напрашивается на неприятности, принимая под свою крышу двух девчонок. Но он слишком мягкотелый. Сказал, что вы его родственницы и он не может поступить по-другому. Хотя я не знаю, чем он так обязан своему кузену. Джон всегда был дрянным человеком. Подумать только, он потратил все свое армейское содержание на кусок джунглей среди язычников. Разумеется, ничего хорошего из этого выйти не могло.

Не переводя дыхания, Лили продолжила, передвигая кастрюли на плите:

– И вот вы здесь, две сироты, которых мы должны взять под свою опеку, как будто у нас и без этого нет забот. Нам нужно прокормиться самим, для чего мы ведем приличный бизнес в этой части города. И тем не менее Господь послал нам эти испытания.

Вдруг Олив, испутив мучительный стон, разразилась рыданиями. Кларри бросилась к ней, чтобы обнять.

– Что с ней такое? – вскрикнула Лили.

– Вы расстроили ее разговорами о сиротах, вот в чем дело, – ответила Кларри. – Олив еще очень юная, и ее родной дом остался в тысячах миль отсюда. Разве вы не понимаете, как это ее пугает?

Лили удивленно уставилась на Кларри, как будто не ожидала такого ответа. Женщина неодобрительно запыхтела, но подошла и положила ладонь на склоненную голову Олив.

– Не надо плакать, девочка. На моей кухне слезы не нужны. Если не любишь свинину, можешь есть картофель с сыром. Люди не могут оторваться от моих пирогов с картофелем и сыром. Из всех моих пирогов их берут лучше всего. Хочешь?

Кларри кивнула.

¹⁵ Евангелие от Матфея [7:14]. (Примеч. ред.)

– Спасибо, Олив с удовольствием их поест.

Лили выпрямилась.

– Боже мой, эта девочка что, сама не может ответить? Или тебе просто нравится разговаривать?

Неожиданно Кларри рассмеялась.

– И то и другое, миссис Белхэйвен.

Но, судя по мрачному лицу Лили, она была не склонна шутить. Кларри быстро поднялась.

– Чем я могу вам помочь?

В этот момент открылась задняя дверь и вошел Джейред.

– А, я рад, что вы поладили, – сказал он, широко улыбаясь.

Лили фыркнула и бросила на мужа уничтожающий взгляд.

– Иди в зал. Там посетители ждут, когда их обслужат, а я сомневаюсь, что Харрисон все сделает как надо.

Джейред смиренно удалился, подмигнув Кларри так, будто они оба знали какой-то смешной секрет.

Хотя Кларри и была очень уставшей с дороги, остаток дня она провела, помогая Лили печь пироги и слушая, как та критикует постояльцев, соседей и конкурентов. Девушка упростила Лили разрешить Олив лечь пораньше, и к тому времени, когда и ей было позволено присоединиться к сестре, у Кларри гудела голова и глаза закрывались от усталости. Мансарда, которая должна была стать их спальней, была не больше кладовки в Белгури и почти такая же темная, всего лишь с одним пыльным окошком наверху. Сестрам пришлось делить одну кровать на двоих. Еще в комнатухе был стол и один стул. Кроме того, для хранения немногочисленной одежды в распоряжении сестер были два деревянных ящика, поставленные один на другой. Несмотря на то что внизу были газовые лампы, Кларри и Олив выдали одну свечу, чтобы освещать путь от их кровати до уборной на заднем дворе.

– Это вам на неделю, – предупредила Лили.

Стирать белье сестры должны были там же, где мыли посуду. Олив испугала длинная лестница, ведущая мимо спальни Белхэйвенов и свободной комнаты, в которую пускали постояльцев, благодаря чему их заведение и носило гордое имя гостиницы. Кларри пришлось ее сопровождать. Ожидая во дворе, она перегнулась через низкую дверь навеса и погладила Барни. Кларри прижалась к пони лицом и вдохнула его запах, ощутив острую тоску по Принцу и по всей своей потерянной прошлой жизни.

Что сейчас делают Камаль и Принц? Как там Ама и ее семейство? Живет ли теперь кто-нибудь в Белгури? Кларри казалась невыносимой мыслью о том, что чужие люди заняли ее дом, но еще мучительнее было думать о том, что он сгниет, так и не будучи проданным.

Вернувшись в мансарду, сестры лежали без сна, обеспокоенные тем, что ожидало их впереди.

– Я не могу здесь жить. Эта комната похожа на тюремную камеру, – прошептала Олив. – И эта женщина... она такая злая. Я не буду работать в их жутком баре. Они не могут меня заставить.

– Не волнуйся, – успокаивала ее Кларри. – Мы не останемся здесь надолго. Я подыщу хорошее место.

Олив вцепилась в нее.

– Ты ведь не бросишь меня тут, правда?

– Нет, разумеется! Как ты могла об этом подумать? Я всегда буду заботиться о тебе, обещаю.

Кларри показалось, что едва она заснула, как ее тут же разбудил громкий стук в дверь.

– Время вставать, девочки! – крикнул Джейред. – У вас сегодня много работы. Нет времени валяться в постели.

Кларри, застонав, стала подниматься с кровати, а Олив натянула тонкое одеяло на голову и зарыдала.

Глава седьмая

К концу недели Кларри едва держалась на ногах от усталости. Ей никогда не приходилось работать так тяжело: вставать в пять утра, чтобы растопить печь, готовить и убирать, обслуживать посетителей и мыть бокалы, и так до поздней ночи. Постоянно болела спина из-за тяжелых ведер с углем, которые она носила из сарая, а руки покраснели и опухли от мытья и стирки.

Но отчасти она сама была в этом виновата. С самого начала Кларри решительно заявила:

– Олив слишком молода, чтобы обслуживать взрослых мужчин в баре. А табачный дым провоцирует у нее приступ астмы.

– Ладно, мне как раз нужен кто-нибудь, чтобы подавать в зале, – проворчал Джейред. – Особенно по вечерам, когда много посетителей.

– А как вы управлялись раньше? – осмелилась спросить Кларри.

– У нас работала девушка примерно такого же возраста, как Олив, – ответил он.

– От нее не было проку, – бросила Лили. – И когда стало известно, что должны приехать вы, мы избавились от нее.

Кларри постаралась скрыть свои чувства.

– Тогда это буду делать я, – заявила она.

Что бы там ни думали ее родственники, такое положение временно.

– А как насчет младшей девочки? – резко поинтересовалась Лили. – Пусть не думает, что может сидеть сложа руки, как принцесса, мы не можем себе этого позволить. Она должна хоть что-то делать, чтобы оправдать свое содержание.

– У нее умелые руки, – сказала Кларри. – Олив умеет шить и штопать, и она поможет вам с пирогами, если вы научите ее месить тесто.

– Вы никогда не месили тесто?! – воскликнула Лили.

– Нет, наш кхансама... – Кларри осеклась.

Она уже усвоила, что ее родственники не переносили упоминаний об их жизни в Индии, особенно о том, что у них были слуги. Кларри улыбнулась.

– Мы будем очень признательны вам, если вы нас этому научите.

Олив смирилась с тем, что будет работать на кухне под руководством Лили, хотя ей тяжело было оставаться без Кларри. В свою очередь Кларри сочла, что лучше уж обслуживать посетителей по вечерам, чем выслушивать поучения и критику Лили. Боясь поначалу войти в прокуренный бар, она была удивлена, увидев по большей части приветливых, дружелюбных мужчин. Джейред уже похвастался им, что его племянница выросла на чайной плантации.

– Ба, а вот и индийская принцесса!

– Как настроение, госпожа-сагиб?

– Ну-ка, дорогая, налей еще.

– До завтра, милая Кларри. Береги себя!

Единственная обязанность, которую Кларри отказалась выполнять, была чистка плевательницы у входа в бар. Ее тошнило от одной мысли об этом.

– Я не буду этого делать, – сказала она Джейреду.

Он не стал настаивать.

– Думаю, Харрисон с этим управится.

Харрисон был круглолицым малым лет тридцати, которому нужно было объяснить трижды, что от него требуется, прежде чем он приступал к заданию. Джейред руководил им в баре, а кроме этого Харрисон развозил пироги на телеге. Он приходил в растерянность,

если его сбивали с привычного пути, и расстраивался, если на него кричали. Но чаще он был дружелюбно настроен и охотно приходил на помощь. К облегчению Кларри, Харрисон не видел ничего отталкивающего в опорожнении плевательницы.

Кларри была поражена, узнав, что ей придется обслуживать не только мужчин, но и женщин. Некоторые приходили с мужьями, чтобы выпить полпинты¹⁶ темного пива или сладкого шерри. Иные были без спутников. Когда Кларри упомянула об этом в разговоре с Лили, та неодобрительно шмыгнула носом.

– Отбросы общества, более ничего. Но раз они платят и не доставляют посетителям неприятностей, мы миримся с их присутствием.

Кларри стало жаль этих женщин. Большинство из них выглядели истощенными и переутомленными. Развеселившись после одной-двух порций выпивки, посетительницы часто начинали петь. Иногда они приходили с детьми, которых, по велению Джейреда, оставляли снаружи.

В один из жарких дней, ближе к вечеру, увидев, что Кларри поставила на поднос несколько чашек с водой, Джейред взорвался.

– Зачем ты это делаешь? У нас тут, черт возьми, не богадельня!

– Но они же страдают от жажды, – ответила Кларри, потрясенная его несдержанностью. Она еще никогда не видела его таким злым. Ее это даже испугало.

– И к нам потянутся все оборванцы в округе, когда узнают, какая ты добросердечная! – закричал он. – А теперь иди и обслуживай клиентов, которые платят, и никогда больше этого не делай.

После того как Джейред стремительно удалился, женщины в зале принялись ее утешать.

– Да не слушай ты этого жалкого старого мошенника, – сказала одна из них, на голове которой была огромная фиолетовая шляпа.

– Он просто боится, что об этом узнает его жена, эта мегера, – хихикнула другая, помоложе. – Она ненавидит детей.

– Спасибо, дорогая, это был добрый поступок, – сказала третья и неуклюже встала, допив свое спиртное.

Кларри заметила, что она сильно хромает. Эти женщины имели довольно приличный вид, хотя от них и тянуло перегаром, а обувь была сильно изношена. Ей хотелось спросить их, зачем они пришли в такое место, куда не пускают их детей, но она боялась их обидеть.

– Что ж, хорошо, когда тебя обслуживают такие, как ты, – улыбаясь, сказала хромая, которую звали Айной. – У тебя симпатичное лицо и приятный голос.

– Да, ты слишком хороша для этого места, – усмехнулась Лекси, самая младшая из трех. – Где Старые Бакенбарды тебя нашли?

– Я его родственница, – ответила Кларри. – Мои родители умерли. Дядя Джейред взял меня вместе с сестрой Олив к себе.

Женщины стали выражать ей свое сочувствие. Кларри едва не расплакалась от их сердечности.

– Береги себя, дорогая. Ты как луч солнца в царстве старой ведьмы, – скривившись и кивая в сторону кухни, сказала Мэгги, та, что была в фиолетовой шляпе. – Она всегда смотрит свысока на таких, как мы.

– Сама-то она не лучше, – проговорила Айна, понизив голос. – Моя матушка помогала ей появиться на свет. И это было не во дворце, скажу я вам. Лили-без-чулок, вот как звали ее раньше.

¹⁶ Пинта – мера объема, равная 0,57 л.

– Да, потому-то она такая склочница, – подтвердила Лекси. – Разбавляет пиво водой, и вообще. Могу поспорить, она вами помыкает. Другие девушки не выдерживали у нее и пяти минут.

– Другие девушки?

Лекси кивнула.

– У них тут перебивало больше официанток, чем у меня было горячих обедов за всю жизнь.

Кларри улыбнулась.

– А! Ну, я тоже тут долго не задержусь. Только до тех пор, пока не найду себе другое место.

– Место, да? – засмеялись женщины.

– Что ж, пусть тебе повезет, дорогая, – сказала Айна.

– Идем, Мэгги, – обратилась Лекси к подруге, хихикая. – Нам пора возвращаться на наши *места* в прачечной!

Они шумно вышли из пивной, попрощавшись с Кларри. Хотя они ее и поддразнивали, Кларри смеялась, убирая за ними, в надежде увидеть их снова.

* * *

Наконец-то настало воскресенье, и можно было встать позже. Но в полседьмого утра Кларри разбудил стук в дверь. Нужно было выполнить обычные обязанности и приготовить воскресный обед до того, как они отправятся в церковь к одиннадцати.

В пол-одиннадцатого все собрались, чтобы идти к службе. Лили, одетая в темно-синее платье, черный плащ и такую же шляпу, неодобрительно оглядела наряд Кларри персикового цвета и лимонно-желтое платье Олив.

– У вас нет плащей? – спросила она.

– Только шали, – ответила Кларри. – Нам нужно будет купить плащи к зиме.

– Они понадобятся вам гораздо раньше, – заметила Лили. – Я не допущу, чтобы вы пошли в церковь, наряженные, как на танцы. Завтра я зайду в недорогую лавку. Да, и вы не можете идти в этих шляпах!

Она торопливо удалилась, чтобы подыскать что-нибудь более подходящее, и вскоре вернулась со старомодным сиреневым капором, который тут же нахлобучила Кларри на голову. Не обращая внимания на ее протесты, Лили завязала широкую черную ленту у нее под подбородком.

– Сойдет, – проворчала она. – Олив еще достаточно юна и может пойти в церковь без головного убора. Мы подберем ей что-нибудь на следующей неделе.

Джейред и Лили пошли по Вишневой улице, сестры следовали за ними. Капор ограничивал обзор, и Кларри приходилось вертеть головой вправо и влево, чтобы видеть, что происходит вокруг. Олив, которая всю неделю была тихой и подавленной, теперь хихикала.

– У тебя забавный вид, – прошептала она, взяв сестру под руку.

– Я чувствую себя как в туннеле, – призналась Кларри. – Скажешь, когда на меня будет нестись трамвай, договорились?

Лили обернулась и метнула на сестер осуждающий взгляд, когда они сдавленно засмеялись.

Взобравшись на вершину холма, Лили и Джейред остановились, чтобы отдышаться. Кларри гладела вокруг. Было солнечно. Впервые со дня приезда они вырвались из заточения в гостинице «Вишневая».

Подернутая туманом лента реки тянулась, окруженная с двух сторон промышленными зонами и теснящимися домами. Но за всем этим простиралась пологие зеленые холмы

с небольшими рощами. Кларри вдруг страстно захотелось избавиться от этого нелепого капора и поскакать верхом по этим таинственным холмам.

– Что там? – спросила она, протягивая руку.

– На юге – графство Дарем, – ответил Джейред. И прибавил, обводя пространство широким жестом: – А на северо-западе – Нортумберленд.

Сердце Кларри замерло. Нортумберленд, родина ее отца!

– Отсюда видно ферму отца? – спросила она взволнованно.

– Нет, она находилась на много миль дальше на север. Возле моря.

– Вы как-нибудь отвезете нас туда? – спросила Кларри.

– Разумеется, нет! – вмешалась Лили. – У нас нет времени на поездки. К тому же там не на что смотреть, одна трава да вода.

Сейчас Кларри больше всего хотелось увидеть сочную траву и чистую воду. На мгновение она представила себя на поляне возле хижины свами. Там, где судьба свела ее с Уэсли Робсоном. Странно, что она сейчас о нем вспомнила. «Как бы он, наверное, обрадовался, увидев меня в таком унижении, после того как я его отвергла», – подумала Кларри раздраженно. Во всяком случае, Уэсли вряд ли будет искать ее среди рабочих Элсвика.

Кларри подавила в себе разочарование, вызванное ответом Лили, но при этом укрепила в решении найти прежний дом отца.

Белхэйвены были прихожанами пресвитерианской церкви Джона Нокса, расположенной на Элсвик-роуд. Это было внушительное здание с украшенным колоннами фасадом, галереей на втором этаже и множеством скамей на первом. Джейред усадил девушек на одну из них, посередине. Церковь казалась простой по сравнению с гарнизонной церковью в Шиллонге или с часовней в монастыре. Здесь не было ни свечей, ни ладана, ни священника в яркой рясе. Отец, не будучи набожным, редко водил девочек в церковь.

Кроме того, Кларри помнила, как ее воспитанная в католическом духе мать проводила простые службы в саду Белгури в дни святых, когда воздух звенел от птичьего пения. Иногда мать брала их с Олив в деревню – посмотреть местные празднества и оставить на ступенях храма пищу в подношение богам. Кларри очень нравилась пышность обрядов, когда гремели барабаны, а люди танцевали и пели, покрытые красной краской и увитые гирляндами цветов.

Эта служба была гораздо менее радостной, с множеством молитв и длинной проповедью. Но, когда дело дошло до пения хвалы Господу, орган и голоса прихожан грянули так, что задрожали стены. Олив присоединилась к хору. Ее бледное лицо просветлело при звуках долгожданной музыки подобно цветку, раскрывшемуся навстречу солнечному свету. Лили запретила Олив играть на скрипке.

– Я не потерплю пиликанья! Это дьявольское искушение. Ни к чему хорошему оно не ведет, кроме греховных плясок.

В конце длинной службы наиболее богатые прихожане в дорогих нарядах первыми пошли к выходу, покидая передние ряды. Симпатичная пара средних лет – высокий сидящий мужчина с цилиндром в руках, опирающийся на трость, и румяная беременная женщина с голубыми глазами – задержалась напротив скамьи Белхэйвенов.

– Доброе утро, миссис Белхэйвен, – улыбнулся мужчина. – Как ваше здоровье?

Кларри изумленно наблюдала за тем, как Лили покраснела и глупо заулыбалась.

– Прекрасно, благодарю вас, мистер Сток. Надеюсь, вы остались довольны пирогами с мясом и почками?

– Да, замечательные пироги, – ответил он. – Не правда ли, Луиза?

Мужчина взглянул на женщину, державшую его под руку.

– Они вам всегда прекрасно удаются, – заверила она Лили. – Пришлите завтра Харрисона за заказом. У мистера Стока ближе к концу недели соберутся клиенты, а ваши пироги неизменно пользуются спросом во время ленчей.

Подобострастный поклон Лили превратился в реверанс.

– Хорошо, миссис Сток. Буду рада вам услужить.

Чета Стоков обменялась вежливыми замечаниями с Джейредом, и мистер Сток с любопытством взглянул на Кларри и Олив. Но, видя, что Джейред не собирается их представлять, они с женой пошли дальше. За ними шли светловолосый мальчик лет двенадцати с голубыми, как у матери, глазами и открытой улыбкой и высокий молодой человек, ненамного старше Кларри и так похожий на мистера Стока, что не оставалось никаких сомнений: это его сын.

– Здравствуйте, миссис Белхэйвен, – сказал младший, улыбаясь еще шире. – Вы не могли бы в следующий раз не класть в пироги почки? Нам с мамой они не очень нравятся.

– Замолчи, Уилл! – оборвал его отец, повернувшись. – Не обращайтесь внимания, миссис Белхэйвен. Уилл сначала говорит, а потом думает. Ничего не меняйте в своих замечательных рецептах.

Когда они отвернулись, Кларри взглянула Уиллу в глаза и улыбнулась. Мальчик вспыхнул и поспешил за родителями.

По пути домой Кларри спросила о Стоках. Выпятив грудь, Джейред важно ответил:

– Мистер Сток – очень уважаемый адвокат. Он живет в Саммерхилле, в конце Вестгейт-роуд. Состоятельный аристократ. Я и сам пользовался его услугами. Он помог мне приобрести две квартиры в Бенвелле, правда, Лили?

– Уж не собираешься ли ты рассказывать девчонке о своих делах? – осадила она его.

Джейред посмотрел на нее виновато.

– Конечно нет, дорогая.

Он откашлялся.

– Так или иначе, мистер Сток настоящий джентльмен, а его супруга – ну, она его достойна, я бы так сказал.

– Однако, – фыркнула Лили, – леди не пристало быть в положении в таком возрасте, скажу я тебе. Совсем не пристало.

– А в каком она положении? – поинтересовалась Олив.

Лили залилась краской.

– Думаю, миссис Белхэйвен имеет в виду, что у миссис Сток скоро будет ребенок, – торопливо объяснила Кларри.

Олив открыла рот от удивления.

– Правда? А разве она не слишком стара для этого? Ее сыновьям, наверное...

– Хватит сплетничать о миссис Сток и ее семье, – прервал ее Джейред, смущенный столь откровенным разговором.

Остаток пути они шли молча.

В тот день, после плотного обеда, состоявшего из пирога со свининой и овощами и из бисквитного торта с кремом, сестры узнали, каким скучным может быть воскресенье в доме их родственников. Прежде чем Белхэйвены отправились наверх, чтобы прилечь, Лили велела сестрам перемыть посуду.

– Потом можете отдохнуть, – разрешила она, великодушно улыбнувшись.

– Думаю, мы прогуляемся, – ответила Кларри. – День стоит чудесный, и я заметила парк по пути домой...

– Прогуляетесь?! – закричала Лили. – Нет-нет, в воскресный день не должно быть никаких прогулок. Если хотите поразмяться, можете сходить в церковь на вечернюю службу.

Кларри глядела на нее, не веря своим ушам.

– Мы всю неделю почти не выходили на свежий воздух. Какой вред может быть от прогулки в парке?

– Две девушки в парке без сопровождения? – Лили покачала головой. – Там полно сомнительных личностей! Вы останетесь дома и будете читать Библию, вот что вы будете делать!

– Мы не дети, – возразила Кларри, стараясь не повышать голоса. – И привыкли к большей свободе.

Она могла бы добавить, что каждый день часами ездила верхом и ничего с ней не случилось, но Кларри знала, что это обозлит Лили еще более.

– В общем, так. Хорошо это или плохо, но теперь вы живете у нас, – сказала Лили. – И вы будете подчиняться нашим правилам. Разве я не права, мистер Белхэйвен?

Лили строго взглянула на мужа. Он смущенно кивнул.

– Просто отдохайте, ладно, девочки? Воскресенье – день отдыха. Радуйтесь этому.

– Вскипятите чайник к четырем часам, – приказала Лили.

Джейред неловко улыбнулся и поспешил следом за женой.

Перемыв посуду, Кларри и Олив угрюмо устали на большую Библию в кожаном переплете, оставленную на столе у камина. В кухне было жарко и душно. Кларри почувствовала, что сойдет с ума, если не выйдет на улицу.

– Подождем, пока они не заснут, – сказала она тихо. – А потом уйдем.

– Мы не можем, – ахнула Олив.

– Нет, можем.

– Но Лили об этом узнает, – разволновалась Олив. – Здесь даже стены все видят.

– Пусть узнаёт. Что она нам сделает? Разве что накричит, – пожалала плечами Кларри. – А кричать она будет в любом случае.

– Она вышвырнет нас на улицу, и тогда у нас вообще ничего не будет, даже той каморки, которую можно назвать домом. Они отдадут нас в рабочий дом. Нас разлучат и...

– Ну, до этого не дойдет, – успокоила ее Кларри, обнимая. – Тетя Лили знает, в чем ее выгода: она заставляет нас батрачить, как рабынь. Не похоже, чтобы им не хватало денег, просто они жадные. Дядя Джейред проболтался, что у них есть недвижимость в Бенвелле. Интересно, куда это он ездил вчера в сюртуке и котелке? Он, должно быть, собирал арендную плату, потому что, вернувшись, вручил деньги Лили.

Она крепче обняла Олив за плечи.

– Эта миссис Скряга не захочет нас лишиться, хоть и делает вид, будто мы для нее обуза. Она в восторге оттого, что у нее появилась прислуга. Думает, что это делает ее равной таким людям, как Стоки.

– Она ничуть не такая, как они, – заявила Олив. – Смешно было слышать, как она с ними разговаривала.

Кларри вскочила и стала изображать Лили, приседая в реверансе перед сестрой.

– Положить в пироги меньше почек? Хорошо, миссис Сток, буду рада вам услужить.

Олив прыснула, а Кларри продолжала:

– Однако леди в вашем возрасте не пристало быть в положении. Совсем не пристало. Вы должны проводить воскресенье дома, читая Библию или, – она театрально выдержала паузу, – гуляя в парке и наслаждаясь свежим воздухом!

Младшая сестра сдавленно захихикала. Кларри широко ей улыбнулась.

– Давай пойдем и посмотрим, что за сомнительные личности там гуляют.

Олив встала и поклонилась ей.

– Хорошо, миссис Сток, буду рада вам услужить!

Парк, который заметила Кларри на обратном пути из церкви, был довольно большим, с ухоженными цветочными клумбами и лужайками, скамьями и ярко выкрашенной эстрадой для оркестра. К радости сестер, парк был полон отдыхающих. Люди грелись на солнце, прогуливались семьями или сидели, слушая духовой оркестр. Сестры прохаживались, любясь

растениями и разглядывая наряды отдыхающих. Их собственные платья выглядели аляповато и слишком пышно в сравнении с более строго скроенными одеяниями, которые носили здешние дамы. Впрочем, многие из них были одеты в искусно украшенные блузки и большие шляпы.

– Я хочу себе вон такую шляпу с большими розами и желтыми страусовыми перьями, – сказала Кларри.

– Ты в ней будешь похожа на клумбу из Белгури, – поддразнила сестру Олив.

Кларри весело улыбнулась.

– Да, точно.

– А я тогда хочу себе шляпу с попугаем, – заявила Олив, – и бамбуковыми листьями.

– Ладно. А я хочу головной убор с двумя попугаями и обезьянкой.

– С двумя попугаями, обезьянкой и кустом китайской розы, – парировала Олив.

Кларри прыснула.

– С пятью попугаями, тигром, пальмой и...

– Сосной! – воскликнула Олив.

– Хорошо, миссис Сток, – Кларри сделала книксен, – буду рада вам услужить.

Они обе захохотали, чувствуя себя свободно в этом радостном, солнечном парке. Люди останавливались и оглядывались, доброжелательно улыбаясь двум симпатичным девушкам в яркой одежде. А сестры шли, взявшись за руки, хихикая и привлекая внимание молодых людей, которые вытаскивали руки из карманов и приподнимали шляпы, улыбаясь проходящим мимо девушкам.

Время пролетело слишком быстро, и вот уже часы на беседке показывали полчетвертого. Сестры неохотно собирались уходить, когда на них, гремя, выскочил стальной обруч, задев Кларри за ногу.

– Извините! – крикнул запыхавшийся мальчик, хватая обруч, пока тот, изменив направление, не укатился в кусты.

Вздрогнув, Кларри обернулась и увидела раскрасневшееся лицо Уилла Стока.

– Вот мальчишка! – воскликнул его отец, подбегая. – Приношу свои извинения. Вы не пострадали?

– Нет, совсем нет, – уверила его Кларри. – Только немного испугалась.

– Уилл, сейчас же извинись, – сказал мистер Сток сердито, взяв мальчика за ворот куртки.

Обруч вывалился из руки Уилла и со звоном упал на землю.

– Извините, – произнес мальчик, густо покраснев. – Я не очень хорошо умею обращаться с обручем. Да, по правде сказать, и в спорте я тоже не очень. Ну, кроме верховой езды.

– Юным леди не обязательно все это знать, – нетерпеливо прервал его отец. – Достаточно просто принести свои извинения.

Кларри дотронулась до руки Уилла.

– Не волнуйся, я не умру. Останусь до конца жизни хромой, но жить буду.

Глаза мальчика испуганно округлились. Кларри рассмеялась.

– Я шучу. Конечно же, со мной все в порядке. Обруч – это ерунда. Там, откуда я приехала, во время воскресной прогулки можно повстречать тигров и змей.

– Неужели?! – ахнул Уилл. – Так вы не из Ньюкасла?

Кларри улыбнулась.

– Нет, мы выросли в Индии. Но теперь живем здесь.

– Вот это да! Вы расскажете мне об этом?

– Не сейчас, Уилл, – вмешался его отец. Он внимательно взглянул на Кларри своими темно-синими глазами. – Мы с вами раньше где-то встречались?

– Сегодня утром в церкви, – кивнула Кларри. – Мы были с Белхэйвенами.

– Ах да! – кивнул мистер Сток и снова нахмурился. – Но я не совсем понял...

– Я Кларри Белхэйвен, а это моя сестра Олив. Мы племянницы мистера Белхэйвена и... в общем, обстоятельства привели нас сюда.

Она уже хотела протянуть мистеру Стоку руку, но увидев, какой красной и опухшей стала ее кисть, отдернула ее назад. Мистер Сток поклонился ей и притихшей Олив.

– Герберт Сток, – представился он.

Было видно, что он заинтригован. В эту минуту на дорожке появился его старший сын со стройной, хорошо одетой молодой женщиной, державшей его под руку. На ее остроносом лице выделялись большие карие глаза. Она поджала губы маленького рта, выражая неодобрение по поводу прерванной прогулки.

– Уилл что, как всегда, стал причиной беспокойства? – не спеша проговорил старший сын.

У него были правильные черты лица и синие глаза, как и у отца, но на его голове уже появилась ранняя залысина, а подбородок отяжелел от слишком сытных трапез.

– Наоборот, он нашел нам двух новых друзей, – ответил ему Герберт. – Это мисс Белхэйвен. Это мой старший сын Берти и друг нашей семьи Вэрити Ландсдоун.

Берти со скучающим видом кивнул сестрам.

– Вы родственницы того семейства, что печет пироги? – поинтересовался он.

Кларри покраснела.

– Да, но...

– Отлично, – перебил ее Берти. – Простая, но хорошая пища.

Он тут же отвернулся. Вэрити вздохнула.

– Очень жарко. Может, поедem назад?

– Конечно, – согласился Берти, и они удалились.

Кларри увидела красивую серую в яблоках лошадь, запряженную в экипаж, стоявший в конце аллеи.

– Вас подвезти до дома? – спросил Герберт.

– Вы очень добры, – сказала Кларри, все еще не оправившаяся от грубости Берти. – Но мы предпочли бы пройти пешком. У нас нет возможности...

Она осеклась, не желая рассказывать этому утонченному джентльмену о своих тяжелых трудовых буднях. В индийском обществе она была бы на равных с такими, как Стоки, но здесь она стояла гораздо ниже их на социальной лестнице. Тем не менее это никак не оправдывало неучтивости Берти. «Рабочие Элсвика хоть и просты, но намного вежливее его», – сердито думала Кларри.

Герберт поднял на прощание шляпу, приглашая Уилла следовать за ним.

Уилл, снова держа обруч в руке, застенчиво улыбнулся Кларри.

– Будьте осторожней со змеями и тиграми во время воскресных прогулок, – пошутил он.

– Непременно, – улыбнулась Кларри. – А ты продолжай упражнения с обручем.

Мальчик помахал им рукой и убежал вслед за отцом.

К тому времени, когда сестры добрались до Вишневой улицы, было уже почти четыре часа и Лили, грохоча посудой, заваривала чай.

– Как вы посмели меня ослушаться?! – накинулась она на девушек. – Вы нарушили день отдохновения и опозорили мой дом!

Кларри не смутилась.

– Я прошу прощения, если мы вас огорчили, но мы воспитаны в уважении к чистому воздуху, созданному Творцом.

– Вас воспитали ненамного лучше, чем язычников, – прошипела Лили. – Вы и в церкви почти не бывали, так что не надо говорить мне о Творце. Он объявил воскресенье днем отдыха, а это значит, что в этот день нужно оставаться дома и читать Библию.

– Днем отдыха?! – воскликнула Кларри. – Я с полседьмого на ногах, выполняю домашнюю работу! И, прежде чем уйти в парк, мы с Олив потратили час на уборку. Воскресенье – день отдыха от рабочей недели, а это значит, что всем нужно идти на улицу и наслаждаться солнечным теплом, а не только сном после обеда.

Побагровевшая Лили потеряла дар речи. Хлопая сонными глазами, вошел Джейред.

– Что тут за шум, девочки?

Лили ткнула пальцем в Кларри.

– Она дерзит мне...

– Мы ходили прогуляться, дядя Джейред, – объяснила Кларри. – Я приношу свои извинения за доставленные вам огорчения.

Джейред вытаращился на нее, потрясенный ее смелостью и не зная, что ответить.

– Скажите ей, – потребовала Лили, – чтобы она никогда так больше не поступала.

Джейред дергал свои густые бакенбарды, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

– Ну...

– Я не понимаю, что в этом плохого, – быстро проговорила Кларри. – И мистер Сток, и его сыновья считают воскресные прогулки в парке достойным занятием.

– Мистер Сток? – спросил Джейред. – Вы его видели?

Кларри кивнула и рассказала им о происшествии с обручем.

– Берти Сток отметил, что ваши пироги очень хороши, миссис Белхэйвен.

– Это замечательно, не так ли? – Джейред неуверенно улыбнулся.

На лице Лили отразилось замешательство, но она не смягчилась.

– Если Стоки решили попирать день отдохновения, то пусть это будет на их совести. Но этого не будет в моем доме, и, пока вы живете с нами, вы будете поступать так же, как мы.

Кларри хотела спорить дальше, но вдруг взглянула на обеспокоенное лицо Олив. Девочка была напугана возможными неприятностями, ведь Лили могла отыгаться на ней среди недели, когда Кларри будет занята и не сможет защитить сестру. Нет нужды настраивать против себя Лили. Им нужно обсудить более важные вопросы, такие как работа и оплата.

подавив в себе желание бунтовать, Кларри сказала:

– Простите нас. Я не думала, что это может вас огорчить. Мы больше никогда не будем так поступать.

Сидя за чаем, все чувствовали себя подавленными, и только Джейред пытался внести в разговор оживление. После чая сестры ретировались в свою душную мансарду и улеглись, открыв маленькое верхнее окошко и слушая вечерний щебет скворцов и крики детей, играющих в догонялки на дороге за домом.

Кларри трудно было поверить в то, что они с сестрой прожили здесь всего одну неделю. Теперь ей тяжело было представить, что когда-то они вели совсем иной образ жизни. Индия казалась невероятно далекой, как будто она ей то ли приснилась, то ли все это было с кем-то другим. Нет сомнения, что скоро их замучит ежедневная изматывающая работа под суровым руководством Лили. Должно быть, тысячи рабочих испытывали такую же радость в конце каждого мучительного дня.

Именно тогда, в этой пыльной комнате, Кларри поняла: ей придется бороться за то, чтобы сохранить воспоминания о той, другой жизни, чтобы не потерять надежды. Вытянув за кожаный шнурок маленький розовый камешек свами из-под хлопчатобумажной рубахи, она погладила его пальцами и закрыла глаза. Кларри снова скакала верхом через прохлад-

ный лес и въезжала на поляну отшельника как раз в ту минуту, когда рассвет забрезжил над горами.

Девушка дала волю слезам, сжимая в руке камень. Никто и ничто, поклялась она, не отнимет у нее этих драгоценных воспоминаний и не сломит дух дочери Джона Белхэй-вена.

Глава восьмая

Канун Рождества, 1905 год

– Я пойду, – вызвалась Кларри, вбегая в кухню с подносом грязных кружек. – Я умею обращаться с лошадьми, и Барни меня знает.

– Но там мороз, девочка, – нахмурился Джейред. – Может, я пойду?

– Бар полон посетителей, – напомнила ему Кларри.

– Да, ты нужен здесь, Джейред, – бросила Лили, сердито взглянув на лежащего на голой скамье Харрисона. – От этого парня никакого толку. Нужно отвезти двадцать пирогов.

Харрисон лежал, тихо постанывая, с забинтованной лодыжкой. Он упал с лестницы в подвале, куда спускался за бочонком пива. Это был самый напряженный день в году, и Лили была еще более сварливой, чем обычно.

– Придется идти Кларри, – вздохнула Лили. – Олив поможет в зале. Пора ей учиться обслуживать посетителей.

Кларри собиралась уже возразить, что Лили сама могла бы поработать в зале, раз пироги готовы, но Олив быстро согласилась.

– Я все сделаю, – сказала она, вытирая руки и приглаживая свои рыжие локоны.

– Тогда давай я тебе покажу, – предложила Кларри.

– Я знаю, что надо делать, – ответила Олив, хотя вид у нее был обеспокоенный. – Я наблюдала за тобой.

Кларри удивленно посмотрела на нее. Лили произнесла с одобрением:

– Вот видишь, ты слишком сильно опекаешь девочку. Она уже не ребенок. Я прослежу, чтобы она все сделала правильно. А ты отправляйся развозить пироги.

Сказав Харрисону пару утешительных слов, Кларри погрузила пироги на телегу и вывела Барни за дорогу позади двора, похлопывая его по шее и шепча ласковые слова. Пони нервничал и оскальзывался на льду, и Кларри твердо вела его за вожжи, даже не помышляя о том, чтобы залезть на телегу.

Взбравшись по склону, она облегченно вздохнула. Морозный воздух щипал лицо, а серое зимнее небо быстро темнело. И все равно Кларри чувствовала приятное волнение, оказавшись в наступающих сумерках на Элсвик-роуд, с лавками, украшенными к Рождеству ветками падуба и разноцветными стеклянными игрушками.

На скудное жалованье, которое ей удалось выжать из Белхэйвенов, Кларри купила Олив альбом и карандаши. С Лили по этому поводу произошла еще одна стычка. Кларри скоро поняла, что они не намерены ее отпускать.

– Никто не наймет вас обеих, – сказал Джейред. – Так что нет смысла и искать.

– Это нам благодарность за то, что мы взяли вас к себе, хотя никто другой этого не сделал бы? – оскорбилась Лили. – Вы остались бы без крова над головой, если бы не наша доброта. За это вы должны, по крайней мере, помогать нам.

– Мы благодарны за все, что вы для нас сделали. Но мы здесь тяжело работаем уже целый месяц без всякой платы. Если мы останемся у вас, вы должны нам платить, – настаивала Кларри.

– Мы предоставили вам жилье и еду, – сказала Лили.

– Но нам не на что купить одежду, и на зиму нужны ботинки. Мы нуждаемся в деньгах. Вы могли бы платить нам столько же, сколько платили другим девушкам, и вычитать из этих денег плату за содержание.

Неохотно, при одобрении Джейреда, Лили согласилась выдавать Кларри и Лили четыре шиллинга в неделю на карманные расходы, из которых один шиллинг они должны

были жертвовать в церкви по воскресеньям. Сестры научились находить недорогие вещи в лавках подержанной одежды на Скотсвуд-роуд и шить себе нижнее белье и ночные рубашки из отрезков дешевой ткани. Но скудное жалование не позволяло им ничего отложить, и они по-прежнему не могли подыскать себе другое жилье. Кроме того, Кларри даже не знала, с чего начинать поиски. Со времени приезда она еще не бывала за пределами Элсвика и западного района Ньюкасла и пока не видела центральной части города. Девушка пыталась отвоевать дополнительный выходной среди недели, но эта затея не увенчалась успехом.

– Слишком много работы, – отрезала Лили. – У нас самих не было выходных уже много лет.

– Небезопасно ездить в город без сопровождающих, девочки, – поддержал супругу Джейред. – Как-нибудь мы возьмем вас с собой, и вы все увидите, хотя там не так уж много интересного.

Кларри им не поверила. Даже отсюда, из Элсвика, с самой верхней его точки, ей кое-что было видно: стройные остроконечные башни церквей и кафедрального собора и череду высоких крыш под облаками смога.

Сейчас, ненадолго вырвавшись на свободу, Кларри была в приподнятом настроении и разносила заказы с легким сердцем, сверяя маршрут и адреса с записями на клочке бумаги. Нужно было посетить четыре дома в северной части Элсвика, а еще приют для пожилых, одну гостиницу и кафе на Вестгейт-роуд. Когда Кларри заглянула в последнее заведение, в котором позвякивала чайная посуда и группы людей сидели у камина, играя в карты и шашки, ее сердце сжалось от тоски по прошлому. Они в Белгури тоже проводили холодные зимние вечера за чаем и настольными играми. Воздух был наполнен ароматом горящих дров в очаге. Правда, тут стоял резкий запах горящего угля, к которому она уже начинала привыкать.

Кларри отправилась по последнему адресу, к Стокам в Саммерхилл, когда на улицах уже зажглись фонари. Девушка размышляла о том, что она увидит в большом красивом особняке, расположенном на тихой площади в стороне от шумной Вестгейт-роуд. Месяц назад Луиза Сток неожиданно перестала посещать церковь.

– Наверное, она теперь сидит дома со своим младенцем, – предположил Джейред.

– Да, миссис Сток мы теперь не увидим до крестин, – согласилась Лили. – Как и положено.

Но о крестинах так и не было объявлено, и, что озадачило Кларри еще больше, у Стоков были мрачные лица, когда они поспешно покидали церковь после воскресной службы, не останавливаясь для того, чтобы побеседовать. Только Уилл задерживался возле скамьи Белхэйвенов и застенчиво улыбался Кларри, но даже он теперь не подходил поболтать об обручах и о лошадях, как это бывало после их встречи в парке. Что-то произошло, и, спускаясь по ступеням в кухню, расположенную в полуподвальном помещении, Кларри надеялась, что с дружелюбной Луизой не приключилась беда.

Первым, кого встретила Кларри, был Уилл. Мальчик сидел на краю кухонного стола, болтал ногами и ел банан.

– Кларри! – воскликнул Уилл. – Что вы тут делаете? Вы принесли пирожки с мясом? Пахнет пирожками с мясом, моими любимыми!

Девушка в переднике и колпаке прогнала его со стола.

– Уходи, а то повариха тебе задаст, – сказала она и добавила, обращаясь к Кларри и забирая у нее поднос с пирогами: – Спасибо. Вы новенькая, да?

– Это племянница мистера Белхэйвена, Долли. Она приехала из Индии, – вставил Уилл.

– Не рассказывай басни, – рассердилась девушка.

– Это правда, – засмеялась Кларри.

Долли уставилась на нее так, как будто у Кларри было две головы.

– Подумать только!

Она понесла поднос с пирогами в кладовку.

– Лучше спрячу это от поварихи. Она злится из-за того, что господину пироги Белхэй-венов нравятся больше, чем ее. Она отнесет их в Армию спасения, если первая их найдет.

– Идемте, посмотрите на мой вертеп, – сказал Уилл, хватая Кларри за руку.

Она взглянула на свои грязные ботинки и потертый жакет и засомневалась.

– Я не могу идти в таком виде.

– Можете, можете, – настаивал Уилл. – Это в холле, вам не придется ступать по ковру.

Вновь появилась Долли.

– Не беспокойтесь, никто вас не увидит. Мистер Герберт и мистер Берти все еще в офисе, а госпожа в спальне.

– Я думала, здесь полон дом гостей, – сказала Кларри.

– В этом году нет.

– Что-то случилось?

Долли покосилась на Уилла.

– Я не могу об этом говорить.

– Кларри, идемте, – сказал Уилл нетерпеливо и потащил ее к двери.

– Но только на минутку, – сдалась она. – Я не могу надолго оставлять Барни на морозе.

Мальчик повел ее вверх по каменной лестнице. Они оказались на первом этаже.

В открытую дверь на другой стороне темного холла была видна большая гостиная, также темная, освещенная лишь льющим сквозь незанавешенные окна тусклым сиянием уличного фонаря. Широкая лестница уходила во мрак. На ее перилах не было никаких украшений. Да и нигде в доме украшений не было. К разочарованию Кларри, жилище Стоков оказалось пустым и холодным.

Она сжала руку Уилла, не зная, куда идти в темноте.

– Это вон там, на верхней площадке, – сказал он, направляясь к лестнице.

– Ты говорил, что это в холле, – неуверенно произнесла Кларри. – Я не думаю, что мне следует здесь находиться.

– Ну пожалуйста, Кларри!

В голосе Уилла прозвучало отчаяние, и Кларри позволила отвести себя на верхнюю лестничную площадку. Там мерцал мягкий свет, и Кларри увидела вертеп, установленный на низком деревянном сундуке. Дом был объят такой тишиной, что Кларри и Уилл крались к сундуку затаив дыхание. Подойдя ближе, девушка увидела, что фигурки искусно сшиты из ткани с набивкой внутри и одеты в яркую одежду. Здесь были крохотные быки и овцы и вырезанная из дерева колыбелька, в которой лежал младенец, завернутый в белую ткань. Вся композиция была освещена рядом миниатюрных свечек, распространяющих вокруг уютное сияние.

– Восхитительно! – ахнула Кларри. – Кто сделал эти фигурки?

– Мама, – ответил мальчик шепотом. – Она сделала их для меня, когда мне было пять лет. Я расставляю их каждый год, хотя уже слишком большой, чтобы ими играть.

Кларри осторожно дотронулась пальцем до младенца.

– Он такой маленький, но так аккуратно сделан. Олив была бы в восторге, если бы увидела его.

– Вы можете привести ее сюда, если хотите, – воодушевился Уилл.

– Спасибо. – Кларри дотронулась до его ладони. – Ты добрый мальчик.

Он покачал головой.

– Нет, не добрый. Я невыносим. Так говорит папа. Он говорит, чтобы я держался подальше от маминой комнаты и что от меня слишком много шума.

– Ну, насколько я понимаю, можно быть шумным и добрым одновременно.

Уилл радостно улыбнулся.

– Вы мне нравитесь, Кларри. Вы придете к нам на рождественский обед?

Кларри рассмеялась.

– Я хотела бы. Но я должна вместе с Олив помочь мистеру и миссис Белхэйвен с приготовлением их обеда.

– А в Индии вы праздновали Рождество?

У Кларри сжалось сердце от этого неожиданного вопроса.

– Да, – вздохнула она, думая об их последнем несчастливом Рождестве, омраченном беспокойством из-за алкоголизма отца и нехватки денег.

– С индейкой и сливовым пудингом? – поинтересовался Уилл.

– Нет, с жареным вальдшнепом и имбирным пирогом.

– Думаю, это не обязательно, чтобы Рождество всегда было одинаковым, – произнес мальчик задумчиво.

Он замолчал, глядя на колыбельку. Кларри уже собиралась уйти, когда он сказал:

– Мама родила мертвого ребенка.

У девушки оборвалось сердце.

– Ах, Уилл, какое горе! Мне очень жаль. Она, должно быть, ужасно огорчена.

Уилл пожал плечами.

– Она не говорит об этом. Никто об этом не говорит. Они думают, что я ничего не понимаю, потому что мне всего одиннадцать. Но я видел, как доктор выносил ящик из маминой комнаты. Он оставил его в гардеробной и ушел, чтобы поговорить с отцом.

Мальчик замолчал в нерешительности. Кларри услышала, как он сглотнул.

– Ящик был похож на тот, в котором я храню своих солдатиков. – Он понизил голос до шепота: – Я заглянул внутрь. Ребенок был обернут как младенец Иисус. Но он был настоящим. Я дотронулся. Он был теплым.

Кларри едва не застонала.

– Я знаю, что не должен был этого делать, – взволнованно продолжал Уилл. – Вы... вы думаете, я убил его? Может, доктор забрал его, потому что так для него было лучше?

Уилл всхлипнул. Кларри быстро привлекла его к себе.

– Ах ты, бедный мальчик! Конечно, не ты убил малышку. Доктор никогда не положил бы ее в ящик, если бы она была жива.

Уилл прижался к ней и заплакал. Кларри гладила его по волосам, утешая.

– Вы ведь никому не расскажете об этом, правда? – спросил он, отстраняясь.

– Конечно нет, – уверила его Кларри. – Но ты не совершил ничего плохого и не должен себя винить. Пообещай мне, что не будешь этого делать.

Уилл кивнул, вытирая глаза и нос рукавом.

– А теперь мне пора идти, – сказала Кларри мягко. – Будешь молодцом?

Уилл снова кивнул. Когда они шли к лестнице, он спросил:

– А почему вы говорили о ребенке «малышка»?

– Не знаю, – ответила Кларри. – Просто у меня возникло такое чувство, что у твоей мамы была девочка. Младенца похоронили?

– Я не знаю, – пожал плечами Уилл. – Мне никто ничего не сказал.

Кларри спустилась по лестнице, держа мальчика за руку. Она сочувствовала его горю. Ей было жалко их всех, и она гадала, в каком состоянии находится его мать. Спустившись по лестнице, Кларри заметила какое-то движение наверху и оглянулась. Ей показалось, что она увидела фигуру в светлом платье, мелькнувшую за перилами, но не была в этом уверена.

На улице пошел густой снег.

– Смотри, Уилл! – воскликнула Кларри. – Правда, здорово?

Она закружилась на месте, подставляя лицо падающим снежинкам.

– Мой первый снег в Англии!

Уилл тоже был возбужден и, гикая от радости, бегал вокруг, пинками поднимая фонтаны снега в воздух. Он слепил огромный снежок и запустил его в Кларри. Девушка вскрикнула от неожиданности, когда снежок угодил ей в шею. В следующую минуту она гонялась за мальчиком по тихой площади, забрасывая его снежками.

– Уилл! – гаркнул чей-то голос из темноты. – Это ты?

Кларри запустила большой снежок как раз в то мгновение, когда Уилл бросился вперед. Мальчик столкнулся с темной фигурой одновременно с тем, как снежок достиг цели. Обоих накрыл душ из мокрого снега. Уилл завизжал и засмеялся, стряхивая с себя снег, но мужчина раздраженно крикнул:

– Прекрати, маленький негодник!

Слишком поздно Кларри поняла, что это был Герберт Сток. Она поспешила ему навстречу, оскальзываясь на снегу. Ее волосы растрепались, а на одежде белели следы от снежков.

– Прошу прощения, мистер Сток, – выпалила она. – Я слишком увлеклась.

Он вглядывался в нее сквозь пелену падающего снега в неверном свете газового фонаря.

– Кто это?

– Кларри Белхэйвен, – задыхаясь, сказала она. – Я принесла пироги с мясом.

– Кларри! Боже мой, а я подумал, что это друг Уилла.

– Так и есть, папа. – Уилл радостно улыбнулся. – У нас было отличное сражение.

Кларри бросает снежки не хуже мальчишки.

Кларри рассмеялась.

– Буду считать это комплиментом.

Герберт грустно улыбнулся, стряхивая снег с плеча.

– Вы его заслужили. Я оценил точность вашего броска.

– Прошу прощения, – повторила Кларри.

– Не нужно извиняться, – произнес Герберт. – Я давно уже не видел Уилла таким счастливым.

Кларри очень хотела выразить ему свое сочувствие по поводу потери ребенка, но не желала навлекать на Уилла неприятности. Вместо этого она сказала:

– Мне очень жаль, что миссис Сток нездорова.

Герберт Сток бросил на нее удивленный взгляд.

– Долли сказала мне, что госпожа в спальне, – поспешно объяснила Кларри. – Вы, пожалуйста, дайте нам знать, если мы можем вам чем-то помочь. Может, вам нужна еще выпечка или другая провизия?

– Вы так добры, – сухо ответил мистер Сток. – Но мы не хотели бы вас обременять.

– Вы нас вовсе не обремените, – уверила его Кларри. – Я привыкла вести домашнее хозяйство. Мне пришлось делать это после смерти матери. Поэтому я знаю, что даже небольшая помощь может иметь огромное значение.

Строгое лицо Герберта Стока немного смягчилось.

– Благодарю вас.

– Папа, мы можем сейчас поесть пирогов с горячим шоколадом? – спросил Уилл. – И пусть Кларри останется.

Кларри увидела на лице Герберта замешательство.

– Боюсь, что я не смогу остаться, – сказала она. – Я должна возвращаться в гостиницу.

– Вы живете в гостинице? – удивленно спросил Уилл. – Она роскошная?

Кларри сдержала горькую усмешку.

– Нет, не очень.

Когда Кларри торопливо возвращалась к терпеливому пони, она слышала, как Уилл рассказывал отцу о том, что показывал ей вертеп. Она со стыдом подумала, что подниматься вверх, словно она была им ровня, было наглостью с ее стороны. Герберт Сток, вероятно, будет этим рассержен. В его глазах она была всего лишь официанткой из бара, прислугой. Его сын Берти вообще не снисходил до беседы с ней в церкви, и даже Уилл через год или около того поймет, что он не может приглашать в дом таких, как она. Кларри быстро шла, изгоняя из головы мысли об аристократичном доме Стоков. Если она позволит себе сравнивать с ним свое мрачное существование на Вишневой улице, то сойдет с ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.